

Православное
КНИЖНОЕ январь
2015
КОБОЗРЕНИЕ
№ 1 (046)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ Синодального информационного отдела В. Р. Легойда представил читателям свою новую книгу

ИНТЕРЕСЫ знаменитого автора «Хроник Нарнии» не ограничивались художественной литературой. В декабре минувшего года в Москве представили собрание научных трудов Клайва Льюиса

 ПРЕЗЕНТАЦИИ
ЧЕШУЯ СТРАСТЕЙ
И ГРЕХОВ

Н. Зорина

«ДРУГОЙ
ЛЬЮИС»

Н. Зорина

«СВЯТЫЕ — ЭТО
НЕ ПРОШЛОЕ»

Н. Зорина

 КОНФЕРЕНЦИИ
ИЗБРАННЫЕ
ДОКЛАДЫ

	Летопись жизни святителя	22	С Запада на Восток	70
4	Феофан Затворник в письмах Варвары Иордан	34	О духовном руководстве	77
9	Феофан Затворник и Болгарская Церковь	43	Замечательные храмы во имя святителя Феофана	80
15	Переписка святителя Феофана с чиновником Синода	57	Возрождение Вышенской обители	85
22	Проповеди Феофана Затворника	63	 РЕЦЕНЗИИ ВНЕ ШАБЛОНА	92
			Е. Ратникова	

ГОТОВИТСЯ к выходу в свет первый том «Летописи жизни и трудов святителя Феофана Затворника», где среди прочего подробно описывается время его служения в Иерусалиме

В РУКОПИСНЫХ фондах Российской государственной библиотеки найдены письма духовной дочери святителя Феофана Варвары Александровны Иордан

НА VIII ФЕОФАНОВСКИХ чтениях был представлен доклад о храмах, освященных во имя святителя Феофана. На фото — храм в Иркутской области

СОЗДАНИЕ музея святителя Феофана стало важным эпизодом возрождения Вышенского монастыря. На фото — храм в кельях затворника

ЧЕШУЯ СТРАСТЕЙ И ГРЕХОВ

НАДЕЖДА ЗОРИНА

В Москве, в культурном центре «Покровские ворота» 4 декабря был представлен очередной сборник статей и интервью председателя Синодального информационного отдела Русской Православной Церкви, главного редактора журнала «Фома» Владимира Романовича Легойды. Этот, уже третий по счету, сборник получил название «Человек в шкуре дракона». Книга разделена на три части: в первой разнообразные статьи из журнала «Фома», во второй статьи из других изданий, в третьей интервью.

ЧЕЛОВЕК В ШКУРЕ ДРАКОНА
Легойда В.
М.: «Никея», 2015. — 208 с.
ИС Р 14-417-1566
ISBN 978-5-91761-390-1

В форме интервью прошла и состоявшаяся презентация. Владимир Легойда ответил на вопросы директора Культурного центра «Покровские ворота» Жана-Франсуа Тири и на вопросы читателей, собравшихся на презентацию.

Ж.-Ф. ТИРИ:

— Не могли бы вы более развернуто прокомментировать ваши слова из предисловия к этой книге: «Шкура наших грехов и страстей настолько сильно выросла в наше тело, что снять ее

самостоятельно мы не можем. Для спасения человеку нужен Бог».

В. Р. ЛЕГОЙДА:

— Мой первый сборник назывался «Мешают ли джинсы спасению?» Это, пожалуй, легкомысленное название, но мне оно нравится. Оно связано с широко известной дискуссией о том, как следует одеваться христианам. Не секрет, что православного христианина или христианку часто можно узнать по стилю одежды и поведению. Для девушек, например, это длинная юбка, постное выражение лица, платочек... Этот сборник сформировался в то время, когда на страницах «Фомы» мы обсуждали вопрос о соотношении внешнего и внутреннего в духовной жизни.

Второй сборник получил название «Декларация зависимости». Для меня вопрос зависимости и независимости очень важен. Потому что,

на мой взгляд, широко распространенные в обществе представления о независимости, о свободе всех и вся от всего и о возможности такой свободы, конечно, очень наивны. Человек всегда от чего-то зависим. Ведь мы живем в некой заданной картине мира. Мне, естественно, близок христианский взгляд на эту данность, в соответствии с которым не только признается зависимость человека по существу, но и декларируется необходимость зависимости от Христа, то есть от добра и от любви.

Название последнего сборника «Человек в шкуре дракона» — самый точный, на мой взгляд, образ, характеризующий состояние современного человека. Думаю, все знают и помнят льюисовский образ мальчика Юстэса, который превращается в дракона и не может сбросить с себя этот облик. И тогда приходит лев Аслан, который символизирует Христа, и сдирает с него эту шкуру. Мне кажется, что любой человек, который пытается что-то сделать с собой, понимает, что мы в этого дракона все равно ежедневно превращаемся. И ты в какой-то момент понимаешь, что ты не можешь сам от этого освободиться, и тебе нужна помощь. Человеку нужен Бог. Мне кажется, что это поразительно глубокий образ. Сложно придумать что-то лучше.

Ж.-Ф. ТИРИ:

— Ваша главная тема — это созерцание естественного чуда жизни. Как говорил блаженный Августин: «Безусловно, чудом является приумножение хлебов, но не меньшее чудо и само произрастание хлеба». Действительно ли так трудно видеть в обстоятельствах будничной жизни, что Бог есть?

ВЛАДИМИР ЛЕГОЙДА: «В какой-то момент ты понимаешь, что не можешь сам освободиться от греха»

В. Р. ЛЕГОЙДА:

— Внешний взгляд на христианство часто рисует его как некое сказочное, мифологическое пространство, оторванное от жизни. Широко распространено мнение (мне часто приходится с этим сталкиваться), что Церковь далека от обычной повседневной жизни. Это, конечно же, ошибочное представление. В том числе и потому,

что взаимосвязь веры с чудом достаточно условна. Под чудом обычно понимается то, что нарушает естественный порядок вещей. Как если бы, например, этот микрофон сейчас взлетел — вот чудо. А с христианской точки зрения — это всего лишь некая аномалия. С точки зрения Евангелия и учения Церкви самое большое чудо — это изменение человеческого сердца. Евангелие насквозь пронизано этими примерами, встречаются они и в современной жизни. Например, случай с моим близким другом, как он стал верующим человеком — он поехал в Иерусалим в туристическую поездку и на экскурсии в Храм Гроба Господня приложился к плите миропомазания, которая лежит при входе в Храм. Но когда он приложился, его вдруг пронзила мысль, что все, о чем он читал в Евангелии — это правда. А раз это правда — надо жить по-другому. Человек радикальным образом изменился после этой поездки и меняется до сих пор. Для меня это большее чудо, чем все другие сверхъестественные чудеса. Безусловным чудом являются дети — я смотрю на своих детей (их трое) они все разные, ни на кого не похожие. Дети — это безусловное свидетельство чудесного в жизни.

Ж.-Ф. ТИРИ:

— В книге есть еще одна тема — антагонизм добра и зла в современном мире. С одной стороны, моральные законы растворяются и пропадает ясность — где добро, а где зло. С другой стороны, возникает попытка защитить добро законодательно: запретить аборт, установить запрет пропаганды извращений и прочее. Вы используете слово «свидетельство» и говорите, что общество может изменить только жизнь во

Христе. Но смогут ли люди сами выбрать добро и построить лучшее общество?

В. Р. ЛЕГОЙДА:

— Я думаю, что это не альтернативные позиции, и мы не должны делать между ними выбор. Я не считаю, что человек самостоятельно может эти изменения совершать, иначе я бы сборник так не называл. Для меня это связанные вещи. Кшиштоф Занусси, человек которого я дерзаю называть своим другом, замечательно сказал в одной своей книге: «Я знаю точно, что совести недостаточно, чтобы спастись». Так же и я не могу сказать, что в построении справедливого общества нужно полагаться только на совесть. Совесть может молчать сама по себе, совесть может быть подавлена или обманута самим человеком или кем-то со стороны. Это и есть «шкура дракона». Поэтому я не вижу ничего неправильного в существовании законов, ограничивающих зло.

У нас любят цитировать Владимира Соловьева, который говорил, что государство существует не для того, чтобы превратить землю в рай, а для того, чтобы уберечь ее от превращения в ад. На практике я не вижу альтернативы законодательному ограничению зла. Еще не так давно практической альтернативой могла служить некая культура общения, уклад жизни. Но эти устои человечности в современном мире уничтожаются. По сути, устои тоже лишь система запретов, но не на государственном, а на бытовом уровне — это нельзя, это нужно делать так... Сейчас мы пришли в точку, где созданная набором таких табу культура начинает разрушаться. Поэтому, если есть возможность остановить или затормозить

зить этот процесс правовым путем, — почему бы и нет? Если ничего не предпринимать нас всех просто раздавит эта всеобщая распущенность. Другое дело, что библейская эсхатология говорит нам, что в итоге все равно раздавит. Поэтому действительно нельзя полагаться лишь на ту или иную систему запретов, основательным сред-

ством улучшения нравственной атмосферы в обществе может быть лишь исправленная и очищенная совесть. Но исправлена и очищена она может быть лишь с Божией помощью. Я еще раз повторяю, что я не вижу дилеммы между совестью и законом или обычаем. Здесь, скорее, стоит говорить об их взаимной опоре.

ОТВЕТЫ В. Р. ЛЕГОЙДЫ НА ВОПРОСЫ ИЗ ЗАЛА

— Как изменились ваши представления о людях и Церкви за то время, пока вы занимаете должность председателя Синодального информационного отдела и за время работы над этими книгами?

— Серьезно изменился взгляд только на одного человека — самого себя, мне во многом удалось расстаться с иллюзиями о себе самом.

Я пытался об этом сказать, говоря о некой эволюции названий этих сборников. Подробнее на эту тему я не готов говорить, потому что, безусловно, это разговор не публичного характера.

Что же касается представления о Церкви, то здесь можно сказать только то, что я более подробно и глубоко узнал церковную жизнь. Сегодня мне смешней, чем несколько лет

назад, читать аналитику, которую пишут о Церкви, потому что даже если она выглядит правдоподобной, то зачастую имеет мало отношения к действительности. В главном мои представления не изменились. Все зависит от того, что для тебя Церковь. Я никогда не воспринимал ее как структуру. Это то же самое, если бы у меня спросили: «Поменялись ли твои представления о любви?» Наверное, они как-то поменялись. В моей последней колонке, которая, правда, не вошла в этот последний сборник, я пытался сказать, что по прошествии многих лет я понял, что мир веры, который мы с друзьями когда-то для себя открыли, оказался намного красочнее, чем я представлял, намного сложнее, чем я думал, и намного глубже, чем мне казалось.

— *Что может помешать человеку прийти в храм?*

— Кроме нас самих, нам никто помешать не может: все остальное, по большому счету, отговорки. Но, конечно, люди, уже находящиеся в церковной ограде, должны помнить о том, что любовь к ближнему это и есть то самое главное, к чему они призваны. Христос говорит: «По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин. 13:35). Когда человек приходит в храм и не видит этой любви друг к другу и к себе, пришедшему, он, возможно, больше и не соберется зайти. Другое дело, что это можно преодолеть, если ты знаешь, зачем пришел. Я согласен с отцом Игорем Фоминым, который, отвечая на вопрос, что может помешать человеку обрести Христа, сказал: «Только челове-

ческое я, раздутое до невероятных размеров и закрывающее Бога».

— *Как серьезная церковная должность, которую вы занимаете, повлияла на вашу публицистику?*

— Чувство ответственности за свои слова и поступки мои родители старались привить мне с детства. Я придаю этому очень большое значение. Занимая серьезную должность, ты находишься в ситуации, когда любое твое слово может выйти в публичное пространство, и тут чувство ответственности обостряется до предела. В связи с этим я часто вспоминаю один свой разговор со Святейшим Патриархом. Через несколько дней после моего назначения председателем Синодального информационного отдела я получил приглашение от федерального телевизионного канала принять участие в одной из программ. Я спросил у Патриарха Кирилла, нужно ли мне туда идти. Он ответил: «Конечно, это ваша работа, вам нужно идти». Потом выдержал небольшую паузу и добавил: «С пониманием высокой ответственности за каждое сказанное вами слово». И вот уже почти шесть лет я живу с этим пониманием. Но все же необходимость этой строгой дисциплины не мешает свободе самовыражения, точно так же, как каноны иконописи не мешают создавать шедевры. Наоборот, это заставляет четче формулировать мысли, потому что ты уже не можешь ссылаться на «я так вижу» и «мне так кажется». Одна из печальных реалий нашего времени это как раз нехватка чувства ответственности, особенно это проявляется в социальных сетях.

«ДРУГОЙ ЛЬЮИС»

НАДЕЖДА ЗОРИНА

Клайв Стейплз Льюис (1897-1963) получил широкую известность как автор волшебных сказок и христианский апологет. Он по праву считается самым популярным в мире христианским автором XX века. Но Льюис-ученый известен лишь узкому кругу специалистов. Как сказал однажды близкий друг Льюиса, лингвист и философ Оуэн Барфилд, что существуют три Льюиса — сказочник, апологет и ученый, и последнего даже называют «другим Льюисом». Между тем, Льюис остается очень цельным приверженцем своих интересов — во всех жанрах и на всех уровнях он ставит одни и те же главные для себя вопросы и ищет ответы на них. Николай Эппле, переводчик академического наследия Льюиса, неслучайно называет его «однодумом», и именно «однодумством» Льюиса объясняет его универсализм.

Русское издание академических трудов Клайва Стейплза Льюиса «Избранные работы по истории культуры» представляет русским читателям «другого Льюиса» — выдающегося британского ученого и мыслителя.

26 декабря в Культурном центре «Покровские ворота» состоялась презентация книги. Презентацию вел Николай Эппле — переводчик, составитель и комментатор нового издания. Вот о чем он рассказал:

НИКОЛАЙ ЭППЛЕ:

— Основные данные этого издания, посвященного средневековой литературной традиции, таковы — это три книги, представляющие собой почти все самое важное, что сделал Льюис как филолог. «Аллегория любви (исследование литературной традиции средневековья)» (1936) посвящена европейской аллегорической поэзии XI века и заканчивая Эпохой возрождения в Англии. В «Предисловии к “Потерянному Раю”» (1942) автор рассматривает природу эпической поэзии, богословие Мильтона и критикует романтические трактовки его поэмы. «Отброшенный образ» (1964) — последняя книга Льюиса, в которой он реконструирует картину мира средневекового человека — образ, отвергнутый Новым временем.

ИЗБРАННЫЕ РАБОТЫ ПО ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

Льюис К. С.
Сост., пер. с англ. и коммент.
Н. Эппле.
М.: «Новое литературное обозрение», 2015.
— 928 с.
ISBN
978-5-4448-0208-3

КЛАЙВ Стейплз Льюис считается самым популярным в мире христианским автором XX века

Казалось бы, нет смысла выпускать такую книгу. «Аллегория» вышла почти 80, а «Отброшенный образ» — 50 лет назад. Наука развивается, и устаревают даже самые выдающиеся исследования. Однако же, даже устаревая, они остаются вехами интеллектуальной истории. И по сей день понимание «Королевы фей», «Троила и Крессиды», «Потерянного Рая», «Романа о Розе» в значительной степени исходит из трактовок Льюиса. Поэтому в списках обязательной ли-

тературы для студентов-филологов книжки Льюиса до сих пор присутствуют.

Но, с другой стороны, это специальная литература, как правило неинтересная широкой публике. А те, кому эти книги нужны, их и так знают и читают. Для перевода этих книг потребовалась большая работа — перевод не только прозаический, но и поэтический, — книги изобилуют цитатами текстов французских, латинских, среднеанглийских. И все эти усилия — ради 1000 экземпляров. Даже указатель для этой книги делали две недели шесть человек! Перед нами яркий пример очевидной несообразности усилий и результата. Когда нечто изнутри оказывается больше, чем кажется снаружи. Это принцип, по которому существуют все настоящие явления культуры и произведения искусства. И у Льюиса, кстати, есть этот образ — когда старая Нарния разрушается, а под ней оказывается новая. И герой понимает, что внутренний слой оказывается больше внешнего. Это невыдуманный образ — именно по этому принципу устроена средневековая вселенная, центром которой является Бог.

С этой книгой связана интересная история, как обычно бывает, когда прикасаешься к чему-то настоящему. Я не собирался ее переводить, просто открыл — и мне не захотелось ее за-

крывать. Так, незаметно, я втянулся в жизненный период, который продлился 16 лет, завершившись год назад. Куплена книга была в 1998 году, когда Льюису исполнилось 100 лет. А в прошлом году отмечали 50 лет со дня смерти Льюиса. Так что эти даты оказались заданы мистическим образом.

Переводческий сюжет тоже довольно красив. Прежде чем перевести Льюиса, я набрался наглости и обратился за советом к Наталье Леонидовне Траубе, которая согласилась оценить мои опыты и позднее стала редактором книги — чутким и бережным, школу перевода, которую я прошел, работая с ней, можно сравнить по значимости с самой книгой.

Поддержал идею и Сергей Сергеевич Аверинцев, он же принял окончательное решение, что переводить надо все три книжки. Потом была заявка на грант, и грант исследовательский мы получили, но с издательским не вышло. Книга зависла, но дело продолжало делаться — переводческий сюжет развивался. По Москве пошли слухи, что переводят «Аллегорию любви». У меня образовалась такая странная подпольная известность человека, который перевел Льюиса, благодаря этому я получил несколько переводческих работ. В общем, ситуация складывалась довольно забавно — книжек нет, почитать их нельзя, но при этом переводческая судьба прекрасно развивается. Я понял, что я пе-

НИКОЛАЙ

Эппле — переводчик собрания академических трудов Клайва Льюиса «Избранные работы по истории культуры». Фото Романа Наумова

КАДР из фильма «Хроники Нарнии: Лев, колдунья и волшебный шкаф»

реводчик, и никуда от этого не денешься. И, оказалось, что английская духовная традиция, которой заведовала Наталья Леонидовна, теперь становится и моей профессией тоже. За эти годы я переводил сочинения Дж.

Макдональда, К. Г. Честертон (сейчас готовится к изданию один из первых его романов, текст которого был найден сравнительно недавно среди рукописей), кардинала Ньюмена (богослова первого ряда, оказавшего

профессионального интереса, который отличен от жизни». Не случайно очень важны для Льюиса были слова его близкого друга Хьюго Дайсона, что философия для Платона была не предметом, а путем. Это главный секрет Льюиса, — все, что он делает, он делает не как нечто отвлеченное, связанное только с профессией, а входит в это, и это становится его личной историей. И эта книга — важная иллюстрация этого принципа, потому что все, что Льюис делает как богослов, как автор детских книжек, как автор фантастических романов, как проповедник, — все вытекает из его профессии и тесно связано с ней. Главным открытием для меня был масштаб Льюиса как ученого. Ведь существует мнение, что из пары Льюис и Толкин — настоящий ученый Толкин, а Льюис — просто его друг. Занимаясь Льюисом, я понял, что все не так просто. И предлагаемая вашему

ГРОМАДНАЯ ПОПУЛЯРНОСТЬ «ХРОНИК НАРНИИ» НЕСКОЛЬКО ЗАСЛониЛА ОТ НАС ОГРОМНУЮ И КРАЙНЕ ВАЖНУЮ СТОРОНУ ЕГО ГЕНИЯ: ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ И КРИТИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

серьезное влияние на Честертона и Льюиса). И часто я слышал: это же вы перевели Льюиса — кому как не вам!

Вообще, с этой книгой было связано много чудес. По совершенно льюисовскому принципу — «нет

вниманию книга — свидетельство этому. Прочитав ее, можно этот масштаб оценить. Это не просто апологет, который был моден в какое-то время в Англии и почему-то продолжает быть модным сейчас. Я беру

« ПЕРУ ЛЬЮИСА-УЧЕНОГО ПРИНАДЛЕЖАТ ДЕСЯТЬ МОНОГРАФИЙ, ТРИДЦАТЬ ОДНА СТАТЬЯ, СОРОК РЕЦЕНЗИЙ, ТРИ СБОРНИКА ЭССЕ »

утверждать, что это один из серьезных мыслителей XX века. И то, что он самый читаемый и самый влиятельный христианский автор XX века в англоязычном мире — это не случайность, не результат мод и поветрий.

ВОПРОС ИЗ ЗАЛА:

— Повлияли ли эти книги, идеи Льюиса на современную науку?

НИКОЛАЙ ЭППЛЕ:

— Это, безусловно, классика. История о любви — о чувстве и художественном явлении. За прошедшие годы льюисовская концепция любви духа оспорена, но все штудии, с ней связанные, предполагают эту книжку как основание для разговора. Кроме того, последняя глава посвящена Спенсеру, и считается, что именно Льюис напомнил XX веку о Спенсере и заставил оценить его культурную величину. Это же касается предисловия к «Потерянному раю». Эти книжки входят в число обязательной литературы для студентов, изучающих эти темы.

Перу Льюиса-ученого принадлежат десять монографий, тридцать одна статья, сорок рецензий, три сборника эссе. Он писал о Шекспире, Донне, Шелли и Драйдене, Аддисоне и Вальтере Скотте, Киплинге, Джейн

Остин и других, в течение многих лет читал студентам лекции, которые пользовались огромной популярностью.

Как пишет в предисловии к русскому изданию секретарь Льюиса Уолтер Хупер:

«Громадная популярность христианской апологетики Льюиса, его фантастических повестей и “Хроник Нарнии” несколько заслонила от нас огромную и крайне важную сторону его гения: историко-литературные и критические работы. Даже если бы он не написал ничего, кроме ученых книг, у нас было бы ценнейшее сокровище: опубликованные здесь работы — не только исследования литературных произведений других авторов, это самостоятельные литературные явления...»

«СВЯТЫЕ — ЭТО НЕ ПРОШЛОЕ»

НАДЕЖДА ЗОРИНА

Книга журналиста Константина Мацана, вышедшая в издательстве «Никея», — не рядовое событие в православном книгоиздании. По словам главного редактора издательства Владимира Лучанинова — это «первая на сегодняшний день попытка описать церковный богослужебный круг через глубоко личное прочтение каждого жития». «Праздники, которые всегда с тобой» — это семьдесят пять историй, рассказывающих о церковных праздниках и днях памяти святых с января по декабрь. 18 декабря в культурном центре «Покровские ворота» состоялась презентация книги. Вместе с автором книги в презентации приняли участие главный редактор издательства «Никея» Владимир Лучанинов и протоиерей Игорь Фомин — настоятель храма во имя святого благоверного князя Александра Невского при МГИМО.

ПРАЗДНИКИ, КОТОРЫЕ ВСЕГДА С ТОБОЙ. О ПРАВОСЛАВНЫХ ПРАЗДНИКАХ И СВЯТЫХ

Мацан К. М.

М.: «Никея», 2014. — 288 с.

ИС 14-321-2599

ISBN 978-5-91761-356-1

Презентация прошла в довольно узком кругу и больше походила на беседу единомышленников. Были затронуты актуальные темы современной духовной жизни: православное предание и церковный календарь в сегодняшнем жизненном ритме; возможности и роль печатного слова в духовном развитии современного общества.

В. ЛУЧАНИНОВ:

— Мы сегодня собрались для того, чтобы представить прекрасную книгу и поговорить о книге вообще, о насущных вопросах, которые так или иначе связаны с книгой и профессией журналиста. Когда открываешь эту книгу, вспоминаются замечательные слова французского философа Габриэля Марселя о том, что же такое есть подарок: когда мы что-то дарим, мы не просто переносим предмет с одного места на другое — мы вкладываем в него что-то от самого себя. И не просто вкладываем, а отнимаем от себя, чтобы подарить другому. «Праздники, которые всегда с тобой» — действительно подарок в этом самом высоком смысле. Это пережи-

вания глубоко личного прочтения ритма церковного календаря. Именно через церковный календарь человек ощущает пульс Церкви. Конечно, сейчас есть много источников информации, но не всегда эта информация ложится на сердце, не всегда мы находим в этой информации самих себя. Для того, чтобы состоялась встреча с Церковью, с Богом важно в церковном предании найти самого себя. И в самом себе найти место для него. И, мне кажется, эта книга — первая попытка именно с такого ракурса увидеть и описать церковный богослужебный круг.

К. МАЦАН:

— Меня недавно спросили: в этой книге 75 текстов, и трудно себе представить, что на каждого святого сердце отзывается одинаково, и что каждый святой настолько тебе близок, что ты решил о нем написать. Естественно, у любого человека, существующего в ритме церковного календаря, есть любимые святые. О которых много знаешь, которым молишься, и которые заняли по-настоящему важное место в сердце. А есть другие святые, о которых просто знаешь, но личного отношения к ним не сформировано. Вот из этого и выросла вся моя работа — если Церковь признает того или иного святого настолько значимым, что его имя включено в церковный календарь и отмечается день его памяти, есть храм освященный во имя этого святого, то, очевидно, Церковь хочет мне этим сказать — обрати внимание, в этой жизни есть опыт, который важен для тебя. Мне очень хотелось найти именно это — чтобы из абстрактной фигуры церковного календаря каж-

дый святой стал личностью, чтобы в каждом празднике раскрылась грань, важная для нас сегодня. Книжка, как это часто бывает, родилась случайно. Несколько лет назад я сотрудничал с газетой «Культура» — рассказывал аудитории светского издания о смысле церковных праздников. Сам собой образовался объем — 5-6 тыс знаков, максимально возможный для газеты. Сама собой сформировалась аудитория — светские люди, которые, может быть, что-то и слышали о Сергии Радонежском, о Вознесении, но не разбирались — о чем это и в связи с чем вообще. Таким образом, за полтора года скопилось 30 таких газетных заметок. И пришла мысль — хорошо бы это все объединить в книгу. В издательстве «Никея» мне сказали: чтобы идея состоялась, нужно довершить церковный год, и к уже написанным 30 текстам дописать еще 45. Я принялся за работу с радостным ощущением ее важности. Это нужно, мне, в первую очередь, как христианину. Неправильно и невозможно делить святых на главных и второстепенных. Но эти 75 рассказов, собранные под одной обложкой, могут нарисовать портрет православного христианства наиболее полно. И в то же время наиболее лаконично.

В. ЛУЧАНИНОВ:

— Главное, о чем мы говорили на начальных стадиях создания книги, — в тех 30 описаниях праздников было не вполне понятно, что для христианина важнее всего Сам Христос. И в книге эта задача была решена.

Праздничная тематика всегда была важной для нашего издательства. Одним из первых изданий «Никеи» был молитвослов, в котором

были собраны тропари, кондаки, молитвы святым. В каком-то смысле мы этот молитвослов сделали в противовес многим существующим. Ведь по сей день выходят молитвословы, в которых святой выполняет роль лица, ответственного за какую-то проблему — по поводу зубной боли, например, можно обратиться к священномученику Власию, проблемы с квартирой — обращайся к святителю Спиридону и т. д. То есть святой несет ответственность за какую-то часть чаще всего материальной или физической составляющей жизни. Это неправильно и умаляет место святого в нашей жизни, место святого в предании Церкви. Собственно, с этого молитвослова, построенного совершенно по другому принципу (каждому святому посвящались те молитвы, которые ему и были составлены гимнографами) мы и начали. Вышла серия «Святые в истории», в которой через жизнь святых раскрывалась история Церкви. Сейчас готовится цикл книг для детей «Праздники православные». Эта тема святых и церковных праздников для нас очень важна. Мне бы хотелось задать автору вопрос, не связанный напрямую с книгой. У тебя большой опыт журналиста, публициста, как ты оцениваешь возможности современной православной журналистики в деле проповеди вести о воскресшем Христе, проповеди современному человеку в современном, постоянно меняющемся мире?

К. МАЦАН:

— Это вопрос очень сложный. Само выражение «православная журналистика» мне кажется пагубным. Православным может быть человек, а то, о чем он пишет, прежде всего свя-

СВЯТИТЕЛЬ Спиридон Тримифунтский

зано с местом его работы. Как сказал один известный режиссер — профессии режиссера невозможно научить, но можно направить в подходящий ВУЗ людей, уже чувствующих эту профессию своей, и создать для них условия творческого роста и творческой реализации. По-моему, с тем, что мы обычно называем «православной журналистикой», происходит примерно то же самое. Если у человека есть потребность и желание для себя на какие-то вопросы ответить и есть что сказать, то это может получиться блестяще и тронуть читателя в самое сердце. В этом деле очень важен личный опыт.

ВЕЛИКОМУЧЕНИК Георгий Победоносец

И неформальное желание, чтобы человек, прочитав, стал — пускай на секундочку — ближе к Богу. В этом случае — да, можно говорить о православной журналистике. Если же мы просто отработываем тему «с православным содержанием» — то нет. О православии можно говорить, не произнося слово «православие». Необходимо внутреннее желание говорить именно о Христе. Если это есть, то у православной журналистики очень большой потенциал. Мой личный опыт показывает, что в светских СМИ таких людей мало. Это задача, требующая самоотречения.

У меня вот тоже есть вопрос к читателям. Как, вам кажется, эту книгу надо читать — как книгу или как календарь?

В. ЛУЧАНИНОВ:

— Я думаю, идеальный вариант — сначала прочитать ее целиком, чтобы напитаться духом личного восприятия, а потом — читать ежедневно, в соответствии с датами.

К. МАЦАН:

— Я, например, ее прочитал целиком. Боюсь прозвучит нескромно, но как сказал Довлатов: «У любой книги есть три пласта — то, что автор хотел показать, то, что автор сумел показать, и то, что автор показал, сам того не желая». Мне кажется, что все эти тексты сложились в большой гипертекст, и возникли какие-то непредвиденные смыслы, мной не закладывавшиеся, но тем не менее важные. Поэтому в прочтении этой книги от начала до конца, просто как книги, есть какой-то смысл.

ВОПРОС ИЗ ЗАЛА:

— По каким критериям выбирались святые?

К. МАЦАН:

— По субъективным. Было важно сказать, например, о Георгии Победоносце. Это древний святой, о котором очень мало исторических сведений, есть скорее народное предание. Важно было сказать об этом — для понимания древних святых в принципе. Даже если бы житие святого Георгия оказалось полной выдумкой, его бы стоило придумать таким, каким мы его знаем, потому что Церкви важен подвиг этого святого, не факт его историчности, не де-

тали, а тот духовный опыт, который универсален, который может быть важен и сегодня. Или, например, Матрона Московская — очень противоречивая фигура. Даже от наших уважаемых богословов можно часто слышать скептические мнения о факте ее канонизации, о достоверности ее жития. С другой же стороны — есть толпы людей в Покровском монастыре, и если представить себе, что вдруг на уровне священноначалия приказано отменить ее канонизацию... Исчезнут толпы? Вряд ли. Пример Ксении Петербургской — это история об юродивых. В истории о Спиридоне Тримифунтском — история о том, что в вере важны не только доказательства, но и живые свидетельства святого человека. История святого Силуана — для меня это история о том, что святыми не рождаются, а становятся. Что человек, которого мы знаем как святого, почитаем как святого, во время своей земной жизни проходил страшные испытания, и ничто человеческое ему было не чуждо. Лично я, как автор, пытался увидеть в церковных праздниках и в том или ином святом ту грань православной веры и христианства, которую эта история может открыть.

В. ЛУЧАНИНОВ:

— Для нас было очень важно раскрыть святых в понимании их подвига, что их подвиг значил для Церкви, почему Церковь канонизировала этих святых. Что он значит для людей, для будущего, чем он может оказаться для нас.

У меня есть вопрос к нашим гостям, очень важный, не праздный. В Греческой Церкви проповедь это отдельный вид служения и проповедники не обязательно должны быть священника-

ми, более того, как правило, они миряне. У нас это явление невозможное, даже дьяконы редко проповедают. И восприятие у многих людей, как церковных, так и светских, что если выходит книга на важную духовную тему, ее автором обязательно должен быть священник. Работая со светскими книжными сетями мне часто приходится слышать такое же мнение. Как вы думаете — действительно ли мирянин не имеет права говорить от лица Церкви?

ОТВЕТ ИЗ ЗАЛА:

— Это не совсем так. Например, Дворкин и Жуков говорят проповеди. Некоторые воспитанники духовных школ, не имеющие сана, по благословению местного архиерея также говорили проповеди. Это не очень распространено, но тем не менее. А у меня такой вопрос: я пишу статьи на религиозные темы для светских изданий. Мне кажется, что перед светской аудиторией неудобно проповедовать, можно рассказывать о неких исторических фактах, но миссионерской задачи я не могу перед собой ставить. Знакома ли эта проблема автору книги как журналисту?

К. МАЦАН:

— Задача миссионерская, апологетическая, конечно же, стоит. Но ее решает не автор текста. Человек может текст прочитать, пойти дальше по этому пути, размышлять и к чему-то прийти. Это долгосрочная задача, и решает ее сам Бог. Текст может только в той или иной степени подтолкнуть, поставить перед человеком вопрос. О чем этот вопрос должен быть? Я, например,

пришел к вере благодаря лекциям по культурологии в институте. Это были лекции в светском ВУЗе, рассчитанные на светскую аудиторию. Культурология поднимает очень важные вопросы и затрагивает смыслы, которые при вдумчивом рассмотрении оказываются духовными. Зачем человек живет? Зачем он родился вообще? Меня к Богу привела одна фраза Алексея Осипова, что религия — это, в той или иной степени, попытка самореализации в вечности. Встреча с Богом — это то, что может произойти у каждого, то к чему, я уверен, каждый в итоге стремится, иногда сам того не сознавая. Важно к этому вопросу человека повернуть. Это я и пытался делать. Это не морализаторство, не проповедь, просто попытка поставить вопрос о том, что такая сторона жизни есть. Что же касается вопроса — имеет ли право мирянин говорить от имени Церкви. Церковь — это ведь не только духовенство, мы все тоже Церковь.

ВОПРОС ИЗ ЗАЛА:

— Раньше были жития святых, и больше ничего было не нужно. А сегодня, чтобы сказать человеку о святости, нужно что-то придумывать. Что изменилось в людях, почему жития святых молчат для нас? И второй вопрос — какие святые автору ближе всего?

В. ЛУЧАНИНОВ:

— Церковь динамична по своей сути. Были ведь времена, когда Евхаристия совершалась за столом, во время ужина, в узком кругу, и это была Церковь, в этом не было никакого нарушения. А сменилась эпоха, и Евхаристия переме-

стилась в храмовое пространство. Менялась историческая обстановка, менялось сознание, восприятие, социальные факторы. И всегда было стремление говорить с людьми на понятном им языке. Так, главная заслуга Никейского собора в том, что он сумел библейский язык перевести на язык, понятный тогдашнему образованному обществу, — на язык философии. И ввести такую терминологию, благодаря которой вера христианская распространилась по всей Римской империи. Жития святых не очень старая часть предания, ей не больше 500 лет. Свидетели мученических актов не нуждались в их литературном изложении, а в какой-то момент оно потребовалось, и Церковь на это отреагировала. Наше современное информационное пространство можно назвать психологическим. То, что прежде люди могли выразить лишь интуитивно, сейчас уже входит в языковую терминологию, появилась возможность описать свои внутренние ощущения, внутренние переживания, и это требует другого подхода в популяризации предания. Почему владыка Антоний Сурожский так популярен? Потому что все, о чем он говорит, — это плоды личного опыта.

К. МАЦАН:

— Что такое традиция? Это ведь не то, что было давно и законсервировалось. Традиция существует века, и в каждом веке находит свое воплощение, и каждый раз остается содержание, но меняется способ подачи. Что же касается любимых святых — есть, конечно, семейные всякие традиции, но я не знаю человека, которого бы оставяла равнодушным преподобномученица Елизавета Федоровна. Но в процессе ра-

СВЯТАЯ блаженная Ксения Петербургская

боты над книгой, я столкнулся с тем, что все святые, жизнь которых изучаешь и описываешь, становятся любимыми. Это очень важный человеческий опыт для меня как христианина.

ВОПРОС ИЗ ЗАЛА:

— Книга написана о святых прошлого, а из ныне живущих есть ли в ком-либо признаки святости? Мне кажется, что сейчас критерии святости снижаются.

К. МАЦАН:

— Святые — это не люди из прошлого. Когда-то на лекциях в МГИМО меня поразила одна фраза — для христианина общество это все, кто жили, кто живут и все, кто будет жить. Все человечество Христом объединено, и в этом смысле они все наши современники. Их опыт — опыт святого Георгия Победоносца или святой Марии Египетской — применим к нам сегодняшним.

ПРОТОИЕРЕИ ИГОРЬ ФОМИН:

— Критерии ужесточаются, а святость смягчается. Критерии первых святых были неразработаны — начиная с местночтимых святых, когда местная Церковь почитала какого-нибудь святого, а потом уже это возводили в ранг всей Церкви. Сейчас очень сложная система канонизации — не раньше 30 лет, должны утихнуть бури восторга и остаться только одна святость. А вообще, святые — это в некотором смысле все люди, которые находятся в Церкви, апостол так и обращается — к святым, ко всей Церкви.

Книга Константина получилась очень теплая, пасхальная. Я очень рад, что сейчас в таком изобилии выходят книги на духовную тематику, это очень важно. Эти книги помогают сконцентрироваться на самом главном. Все пройдет — вырастут дети, обветшает дом, завянет дерево, а душа человека вечна. Это то, что мы сможем показать Господу. Как и эта книжка. Это колодец с доброй, хорошей, живой водой.

ИЗБРАННЫЕ ДОКЛАДЫ

Очередные VIII Феофановские чтения прошли с 22 по 24 октября в Москве, Рязани и Успенском Вышенском монастыре, где подвизался святитель Феофан Затворник с 1866 по 1894 годы. Эти чтения проводились в преддверии 200-летнего юбилея святителя Феофана, который мы отмечаем в январе этого нового 2015 года.

Как мы уже сообщали в ноябрьском номере «ПКО», чтения открылись в конференц-зале Издательского совета выступлением митрополита Калужского и Боровского Климента, председателя Научно-редакционного совета по изданию Полного собрания творений святителя Феофана Затворника. Также на пленарном заседании выступили с докладами митрополит Тамбовский и Рассказовский Феодосий, епископ Касимовский и Сасовский Дионисий. Доклад митрополита Рязанского и Михайловского Вениамина прочитал игумен Лука (Степанов).

Затем работа конференции продолжилась по секциям: «Святитель Феофан Затворник: жизнь, подвиг и богословское наследие» и «Святитель Феофан Затворник в отечественной духовной и светской культуре. Новые архивные исследования». 23-24 октября VIII Феофановские чтения продолжились в Рязани и Успенском Вышенском монастыре Скопинской епархии.

К концу года в наше распоряжение поступили тексты докладов, и появилась возможность опубликовать в этом юбилейном номере избранные доклады участников конференции.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ СВЯТИТЕЛЯ

Из доклада руководителя биографической группы Научно-редакционного совета по подготовке Полного собрания творений святителя Феофана Затворника д. ф. н., профессора М. И. Щербаковой

«Летопись жизни и трудов святителя Феофана (Говорова) Затворника Вышенского» подготовлена Научно-редакционным советом по изданию полного собрания творений святителя Феофана, действующим в структуре Издательского совета. В настоящее время готовится к выходу в свет первый том «Летописи».

Основанная на первоисточниках, «Летопись» создана с опорой на хорошо известную литературоведческую традицию, заложенную отечественными учеными. Это хронологический свод материалов и документов, почерпнутых из архивов, редких книжных и периодических изда-

ний XIX века. Таким образом, она является надежной источниковедческой базой для дальнейших исследований. Это глубокое, познавательное чтение о жизни выдающегося иерарха Русской Православной Церкви и его творениях, в соотнесении с эпохой и ключевыми тенденциями времени его жизни. Наконец, «Летопись» — важный шаг к составлению научной биографии святителя Феофана.

Среди русских духовных писателей святитель Феофан занимает одно из первых мест по масштабам своего наследия. Творения экзегетического и аскетического характера, духовно-нравственные и гомилетические сочинения, публицистика, переводы творений святых отцов, письма преосвященного могут составить по подсчетам исследователей свыше 40 томов. Книги святителя Феофана выдерживали многократные отдельные переиздания, в том числе прижизненные. К этим книгам относятся «Письма о христианской жизни», впервые вышедшие в свет Санкт-Петербурге в 1858 году, «Начертание христианского нравоучения», впервые изданные в Москве в 1891 году, «Путь ко спасению. Краткий очерк аскетике» (СПб, 1868-1869), «Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться?» (М., 1878), «Письма к разным лицам о разных предметах веры и жизни» (М., 1882), «Письма о духовной жизни» (СПб, 1872), догматическое сочинение «Душа и Ангел — не тело, а дух» (Тамбов, 1867), «Евангельская история о Боге Сыне, воплотившемся нашего ради спасения...» (М., 1885). Кроме того святитель Феофан перевел многие сочинения древних аскетов и мистиков, уделяя сугубое внимание творениям преподобных Пахомия Великого, Иоанна Кассиана Римлянина, Венедикта Нурсийского, Исаии Отшельника,

Дорофея Палестинского, Симеона Нового Богослова, святителя Василия Великого, «Добротолюбию». Особо ценны его толкования Посланий святого апостола Павла. В трудах святителя обобщен духовный опыт многих подвижников Церкви.

Литература о духовном наследии святителя Феофана Затворника включает в себя монографии, статьи, отдельные публикации и отзывы, первые из которых появились уже при жизни преосвященного и принадлежали святителю Филарету (Дроздову), митрополиту Московскому, архимандриту Порфирию (Успенскому), митрополиту Московскому Макарию (Булгакову), П. И. Горскому-Платонову и другим авторитетным современникам святителя Феофана.

Блаженная кончина святителя была отмечена в печати множеством некрологов. В 1894 и в последующие годы воспоминания о нем ежемесячно появлялись в русских периодических изданиях церковного направления: «Богословский вестник», «Паломник», «Православный собеседник», «Церковный вестник» и многих других. Вышли в свет воспоминания о нем родных и близких: И. А. Крутикова, А. Г. Говорова, игумена Тихона (Цыпляковского), архиепископа Тверского и Кашинского Саввы (Тихомирнова), Д. А. Жданова, Н. И. Флоринского, А. Покровского, М. И. Хитрова, А. Д. Тарбеевой.

Редакции журналов обращались к читателям с просьбой присылать для публикации сохранившиеся у адресатов письма святителя Феофана. Значительная часть эпистолярного наследия, таким образом, сохранилась в опубликованном виде.

В это же время печатаются и первые серьезные аналитические исследования творений святителя

Феофана Затворника. Богословские труды святителя Феофана становятся предметом изучения в кандидатских и магистерских работах студентов духовных семинарий и академий. После возобновления деятельности духовных учебных заведений в СССР в послевоенные годы, эта тема также в числе наиболее распространенных.

1990-е годы отмечены новой волной внимания к наследию преосвященного Феофана. Российские богословы и педагоги (О. Давыденков, Ш. А. Гумеров, А. Бобров, К. Жаринов, Г. Зяблицев, В. А. Беляева, Д. А. Саввушкин и др.) открыли современное звучание его творений, их актуальность для нашего времени.

Важной вехой в истории изучения наследия святителя Феофана стала магистерская диссертация архимандрита Георгия (Тертышников) «Святитель Феофан Затворник и его учение о спасении» (МДА, 1989). Это пятитомное фундаментальное исследование отличают строго документальная основа, глубокий богословский анализ и многоаспектность заявленной проблематики. Архимандриту Георгию (Тертышникову) удалось в полной мере подытожить сведения, которыми до него располагала церковная наука, и впервые ввести в научный оборот целые пласты новых материалов.

Между тем обстоятельства советского периода истории России исключали возможность полноценного масштабного научного изыскания. Истинный переворот в патрологии совершился в начале XXI века, когда был получен доступ к архивным фондам — прежде закрытым или находившимся вне поля зрения исследователей.

В период подготовки «Летописи» большая работа была развернута в отечественных и зарубежных архивах. Первый том содержит доку-

менты из пятнадцати архивохранилищ России, Украины, Афона. Среди которых Государственный архив Российской Федерации, Архив внешней политики Российской империи, Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Центральный государственный исторический архив и Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге, архивы Российской академии наук, Центральный государственный исторический архив Украины, Институт рукописей Национальной библиотеки Украины в Киеве и другие хранилища документов.

Подлинным открытием стали рукописи и документы, сохранившиеся на Афоне в Русском Свято-Пантелеимоновом монастыре. Решающую роль для сохранения этих источников сыграло приобретение Пантелеимоновым монастырем личного архива святителя у его наследников в 1896 году. Благодаря чему сегодня подлинны рукописи, черновые редакции и прижизненные копии, письма, документы ясно обозначили перед учеными горизонты новых возможностей текстологических исследований наследия Феофана, Затворника Вышенского.

По количеству отмеченных фактов (немногим менее тысячи) первый том «Летописи» уже превзошел имеющиеся издания, посвященные наследию святителя Феофана. Две трети этих фактов стали известны исключительно по архивным документам и впервые вводятся в научный оборот, что объясняет включение их в «Летопись» в полном виде.

В разные годы жизнь святителя Феофана была связана с Липецкой и Орловской землей, Киевской Духовной академией и Киево-Печерской лаврой, с Петербургской Духовной академией,

М. И. ЩЕРБАКОВА, руководитель биографической группы научно-редакционного совета по изданию трудов святителя Феофана Затворника

Олонецкой Духовной семинарией в Петрозаводске, с Русской духовной миссией в Иерусалиме, с лаврой преподобного Саввы в Палестине, с русским посольством в Константинополе, с Новгородом, Тамбовской и Владимирской епархиями. Каждый узел биографии святителя — тема самостоятельного исследования.

Впервые проведены генеалогические разыскания. Обнаруженная в архиве Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне запись из метричес-

кой книги Владимирской церкви села Чернавска Елецкого уезда Орловской епархии положила конец спорам о дате рождения преосвященного. Теперь уверенно можно сказать: святитель Феофан родился 10 (23) января 1815 года. Выявлены исторические корни семьи — по линии отца, иерея Василия Тимофеевича Говорова, и матери, Татьяны Ивановны, урожденной Поповой. Это была священническая среда, чадолюбивые, духовно целомудренные и чистые семьи. Во многих подробностях восстановлен характер родственных связей преосвященного с братьями, сестрами, племянниками, их многодетными семьями, о духовном и телесном здоровье которых преосвященный Феофан не переставал заботиться до последних дней своей земной жизни. Письма к ним, прежде не атрибутированные в общем объеме эпистолярия, обрели значение достоверных источников; в них — повседневная жизнь русского провинциального духовенства, сельских православных приходов.

Биохронологический характер «Летописи» помогает выявлять мотивы жизненно важных решений, принятых будущим святителем, живые основы его личных взглядов на жизнь. Так, стало ясно, что решение студента Киевской Духовной академии Егора Говорова принять постриг отчасти было связано со смертью родителей зимой 1838-1839 годов. Тогда же закрепилось в его сердце убеждение, что «видимое бытие разделяется пространством, а невидимое сокращает разделение». Эта мысль стала коренной в антропологии святителя Феофана, в его учении о душе. Спустя сорок лет преосвященный писал: «Понимая так дело, я никогда не плачу и не горюю об умерших... Это со времени смерти батюшки и матушки. Они умерли через две недели друг от дру-

ИЕРУСАЛИМ. Фото начала XX века. На Святой Земле святитель Феофан провел более 6 лет

га... Когда узнал об этом, какое налегло тяжелое и мрачное облако! Но в тот же момент пришли мысли немрачные и всю тьму разогнали. Утешился, и ни слезинки. Я верую, что это мне внушил Ангел-хранитель. С тех пор я делюсь этою верою со всеми»¹.

Впервые в единый блок собраны документы, относящиеся к монашескому постригу монаха

Феофана, совершенному в Свято-Духовской церкви Киево-Братского монастыря ректором Киевской Духовной академии архимандритом Иеремией (Соловьевым) 15 февраля 1841 года, в один день с Макарием (Булгаковым), впоследствии митрополитом Московским, и Михаилом (Монастыревым); а также документы о рукоположении в сан иеродьякона — в большом Успен-

ском соборе Киево-Печерской лавры и в сан иеромонаха — в Киево-Софийском соборе.

Образование, полученное преосвященным Феофаном в Ливенском училище (1823-1829), Орловской семинарии (1829-1837), Киевской Духовной академии (1837-1841), формировалось под влиянием новой эпохи и смены общественных настроений, реорганизации российских духовных семинарий и епархиальных училищ. Устав духовных академий, составленный в

1807-1814 годы при непосредственном активном участии святителя Московского Филарета (Дроздова), ясно определил переход Русской Православной Церкви к принципиально новому типу системы среднего и высшего духовного образования, к отказу от схоластики и латыни в преподавании богословских дисциплин. В «Летописи» впервые — на основании рукописных конспектов ведущих преподавателей, лекции которых посещал юноша Егор Говоров — представ-

ХРАМ Гроба Господня в Иерусалиме

лены полные программы предметных курсов духовных образовательных учреждений России первой половины XIX века: от догматического богословия и гомилетики до канонического права и патрологии. В разные годы наставниками будущего святителя Феофана были Исидор (Никольский), впоследствии митрополит Новгородский, Санкт-Петербургский и Финляндский; святитель Иннокентий (Борисов), ректор Киевской Духовной академии; Димитрий (Муретов), впоследствии архиепископ Херсонский и Одесский; доктор богословия протоиерей И. М.

Скворцов, Е. А. Остромысленский, И. Г. Михневич, П. С. Авсенёв (впоследствии архимандрит Феофан), Я. К. Амфитеатров, В. П. Чехович и др. Ими была воспитана новая плеяда незаурядных богословов, составивших цвет русского православного духовенства второй половины XIX века.

В разделах «Летописи» за 1829-1841 годы собраны уникальные архивные материалы по истории духовного образования в России середины XIX века из фондов Орловской Духовной семинарии и Киевской Духовной академии. В частности эти документы содержат сведения об программах этих учебных заведений. Большинство документов по этой теме вводится в научный оборот впервые.

Объем программного материала в Киевской Духовной академии, уровень требований убеждают не только в высоком качестве образования, но и в стремлении Русской Церкви восстановить преемственную связь со святоотеческой традицией, в утверждении деятельного христианства как важной цели внутреннего образования юношей.

Канва служебных назначений иеромонаха Феофана восстановлена по его послужным спискам из Российских и Украинских архивов: начальник Киево-Софийских духовных училищ, инспектор Новгородской Духовной семинарии, Санкт-Петербургской Духовной академии, член Русской духовной миссии в Иерусалиме, ректор Олонецкой Духовной семинарии, настоятель русской посольской церкви в Константинополе, ректор Санкт-Петербургской Духовной академии...

«Летопись» дает возможность точно указать на географических картах России, Святой Земли и Европы места и даты служения и бывания пре-

освященного Феофана. Его присутствием отмечены Иерусалим, Вифлеем, Яффа, Константинополь, Александрия, Афины, Рим, Ватикан, Венеция, Флоренция, Вена, Варшава, Москва, Петербург, Киев, Одесса... «Летопись» обнаруживает и множество малозаметных, ранее не выявленных точек. Так, 16 декабря 1849 года на берегу Иордана, «над звучным течением его вод» иеромонах Феофан и игумен монастыря Саввы Освященного Иоасаф отслужили Литургию в присутствии А. Н. Муравьева, писавшего в «Письмах с Востока»: «Мы, все русские, составили хор, и давно не помню я столь торжественной Литургии, хотя и под открытым небом, и в чаще леса. Служба была полная Богоявленная»².

Более шести лет провел иеромонах Феофан на Святой Земле, однако до сих пор этот период оставался мало проясненным. Насколько сложно было первой Русской духовной миссии утверждать высоту и чистоту православия, убеждают выявленные документы Архива внешней политики Российской Империи (АВПРИ), Центрального исторического архива в Москве (ЦИАМ), Российского исторического архива в Санкт-Петербурге (РГИА), Отдела рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ), Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук (СПБФ АРАН), Института рукописей Национальной библиотеки Украины. Преимущественно это служебные документы: регулярные отчеты главы Миссии архимандрита Порфирия (Успенского) и иеромонаха Феофана, их переписка с руководителями Азиатского департамента МИД Л. Г. Сенявиным и Я. А. Дашковым, русским консулом К. М. Базили, вице-консулом Н. С. Марабуги, посланником В. П. Титовым. Из косвенных упоминаний, россypi от-

дельных фактов, прямых признаний воссоздан широкий диапазон душевных состояний иеромонаха Феофана — от твердого и безотлагательного решения вернуться в Россию до полного погружения в переводы раннехристианских памятников, в изучение восточных и европейских языков, в занятия иконописью.

Рукописные черновики и копии сделанных на Святой Земле переводов, а также отдельные упоминания и свидетельства о предпринятой в этот период работе иеромонаха Феофана дают бесценный материал для истории текста его более поздних творений.

С началом Крымской войны Русская духовная миссия должна была покинуть Иерусалим. Летом 1854 года архимандрит Порфирий и иеромонах Феофан возвращались в Петербург через Италию. Восстановить итальянские маршруты оказалось возможным по путевым дневникам архимандрита Порфирия, которые он вел тщательно и подробно: Венеция, Падуя, Милан, Анкора, Рим. Пребывание в Риме завершилось аудиенцией у папы Римского Пия IX. Далее — Ливорно, Пиза, Флоренция, Генуя... Впечатления этого путешествия оставили несомненный след в жизни будущего свяителя.

«Летопись» способна соединять разрозненные документы в единый исторический свод. Так, в путевых дневниках архимандрита Порфирия есть запись о его кратком посещении Афин 21 мая 1854 года — «для осмотра, хотя и беглого осмотра, тамошних пресловутых древностей»³; участие в этой поездке иеромонаха Феофана можно лишь предположить. Однако этот факт подтверждает другой документ — дневник архимандрита Антонина (Капустина), служившего в Афинах настоятелем русской посольской церкви:

«Их было трое: о. Порфирий, о. Феофан и один студент с ними <...> Сколько ждал иерусалимян... Увидел как во сне»⁴.

Год службы в Константинополе (1856-1857) настоятелем русской посольской церкви оказался хотя и кратким, но значимым событием в жизни преосвященного Феофана. Это назначение было напрямую связано с греко-болгарской распрей. Архимандриту Феофану, как имевшему опыт общения с представителями Восточных Церквей, было поручено вникнуть в суть назревавшего конфликта. В «Летопись» включены уникальные архивные материалы — его объемные донесения о состоянии Православной Церкви на Востоке, о взаимных несогласиях двух единоверных народов, живших в пределах Османской империи; в них и сочувствие болгарскому народному движению, и попечение о единстве православия. Впервые представлено дипломатическое окружение архимандрита Феофана, выявлены его церковно-общественные связи, обозначены первостепенные направления деятельности: укрепление на Востоке позиций православия, противостояние католикам и пропаганде других вероисповеданий, распространение православной литературы, подготовка болгарских епископов, устройство для болгар школ и духовных училищ.

Дипломатическая деятельность архимандрита Феофана в Константинополе проходила в окружении людей, много потрудившихся на благо России. Возглавлял дипломатическую миссию князь А. Б. Лобанов-Ростовский; генеральным консулом в Египте был Н. К. Гирс, впоследствии министр иностранных дел; младшим секретарем — Е. П. Новиков, ставший затем действительным тайным советником, послом России в Гре-

ции, Австрии и Османской империи, членом Государственного совета; обязанности помощника секретаря Миссии исполнял М. Ф. Бартоломей, впоследствии также действительный статский советник и посланник в США.

«Летопись» также выявила круг лиц, начало духовных связей с которыми было заложено именно в константинопольский период: оберпрокурор Св. Синода граф А. П. Толстой, кн. П. С. Лукомская, иеродиакон посольской церкви о. Акакий (Заклинский) — будущий епископ Енисейский и Красноярский. В это время интенсивнее становится переписка архимандрита Феофана с издателем журнала «Маяк» С. О. Бурачком и членами его семьи, знакомство с которыми состоялось ранее.

В жизни святителя Феофана его церковное служение органично перемежалось с педагогической стезей: ректор Киево-Софийских духовных училищ (1841), инспектор Новгородской семинарии (1843), инспектор Санкт-Петербургской Духовной академии (1845), ректор Олонецкой Духовной семинарии (1855), ректор Санкт-Петербургской Духовной академии (1857). В существующих жизнеописаниях Феофана, Затворника Вышенского эти периоды представлены, как правило, в общих чертах. В первом томе «Летописи» расширенный круг привлеченных источников обогатил историческую картину конкретными фактами. Так, в списках учившихся под началом архимандрита Феофана обнаружилось много имен выдающихся архиереев Русской Православной Церкви, богословов, педагогов, духовных писателей, государственных деятелей. В их числе Николай (Касаткин), впоследствии равноапостольный Николай Японский, святитель Герасим (Добросердов), епископ Гермоген

РИМ. Вид на старый город

(Добронравин), архиепископ Тихон (Донебин), П. Ф. Ганкевич, М. Я. Морошкин, Л. А. Павловский, А. И. Романов, И. И. Сперанский, В. В. Никольский, В. А. Смарагдов, М. И. Боголюбов, В. Ф. Никитин, А. П. Щепин, В. В. Розен, А. Г. Вишняков... Со всем основанием можно утверждать, что в их заслугах перед Отечеством и Церковью есть доля святителя Феофана.

В Новгородской Духовной семинарии служение молодого иеромонаха Феофана протекало под сенью достопамятных имен не только митрополита Иова, братьев Лихудов, но и такого великого светильника Русской Церкви, как святитель Тихон Задонский — уроженца Новгородской губернии и одного из первых учеников Новгородской семинарии в 40-е годы XVIII века.

Святитель Феофан глубоко почитал святителя Тихона Задонского на протяжении всей своей жизни, с раннего детства. Включенные в «Летопись» фрагменты «Жития иже во святых отца нашего Тихона, епископа Воронежского, Задонского и всея России чудотворца» отчетливо оттеняют это духовное преемство.

Период ректорства в Олонецкой семинарии (Петрозаводск) наиболее подробно отражен в переписке архимандрита Феофана с епископами Аркадием (Федоровым) и Иеремией (Соловьевым), в его письмах к семье С. О. Бурачка. «Учеников числом мало (около 90) — и те небистры. Корпуса семинарского нет. Библиотека достаточна. Страна дика. Кругом раскол. Город нешумен — верующ, но церквей мало»⁵, — так

Полный текст доклада М. И. Шербаковой можно найти на официальном сайте Научно-редакционного совета <http://theophanica.ru>

описывал молодой ректор место своего нового назначения, отличавшееся от предыдущих невероятно широким диапазоном обязанностей и поручений: от строительства корпусов, составления учебных программ до энергичной миссионерской работы среди раскольников-старобрядцев. Данный раздел «Летописи» существенно дополняет историю Олонецкой семинарии.

В истории Санкт-Петербургской Духовной академии ректура архимандрита Феофана является одной из важных страниц: она «свободно вздохнула от долгой и строгой дисциплины преосвященного Макария»⁶. Научный авторитет Академии заметно возрос благодаря богословской и редакторской работе отца ректора как председателя учрежденного при академии Комитета по переводу Священного Писания и как редактора академического журнала «Христианское чтение». Отеческое отношение к студентам в полной мере выразилось в заступничестве за них архимандрита Феофана перед митрополитом Григорием. Малоизвестные воспоминания Е. В. Барсова об этом остром моменте осени 1858 года включены в «Летопись».

В непродолжительный петербургский период архимандрит Феофан произнес более двадцати Слов, проповедуя в Александро-Невской лавре, в Исаакиевском соборе и других храмах Санкт-Петербурга в большие праздники и при громадном стечении народа. Особой книгой эти про-

поведи были изданы в 1859 году. В «Летопись» они вошли фрагментарно, под датами их произнесения.

При составлении «Летописи» важным источником является русская периодическая печать XIX века. Как правящий архиерей святитель Феофан был инициатором издания Тамбовских (с 1861) и Владимирских (с 1865) «Епархиальных ведомостей». Их страницы наполнены сообщениями об архипастырском служении преосвященного: поездки, службы, молебны, освящение храмов. Там же — первые публикации проповедей святителя Феофана, что очень важно для научного изучения его духовного наследия. «Епархиальные ведомости» выходили двумя книжками в месяц; и в каждой — не менее двух проповедей.

Епархиальные училища, в том числе для девиц духовного сословия, — еще один неоценимый результат архипастырского служения. «Летопись» воссоздает историю их создания, становления; прослежены судьбы «учащих и учащихся».

В 1866 году напряженная и деятельная жизнь преосвященного сменилась качественно иной — эпохой Вышенской пустыни и затвора. В словезавещании, обращенном к владимирской пастве, святитель Феофан привел слова апостола Павла: «О Тимофее! Предание сохрани!» С этого дня каждый миг земной жизни святителя был посвящен сохранению Предания, молитве, стяжанию Духа Святаго.

«Летопись» дает уникальную возможность проследить историю главных книг святителя Феофана едва ли не с момента зарождения замысла. Так, весной 1870 года Вышенский затворник, по его словам, «случайно попал на мысль не

толкование писать, а размышления о Евангельской истории». В работе над изданием прошло пятнадцать лет.

«Путь ко спасению» — книга, в которой читатели видят себя: «как были в отрочестве, как испортились, — и как исправились, и что предлежит...» Начало ее уходит в 1846 год, в конспект лекции иеромонаха Феофана для студентов Петербургской Духовной академии. В 1880 году, когда борьба с сектантством потребовала новых решительных шагов, конспект пригодился; святитель задумал «составить книжку — о пути спасения... просто написанную, и разбросать по городу даром, или по копейке». Он до последних дней жизни высоко ценил пользу этой книги, разъясняющей, «в чем главная цель всей жизни христиан... всех трудов и подвигов, и куда, потому, должно направлять сии подвиги... — именно очищение сердца от страстей. У кого очистится сердце, того не задержат на мытарствах».

Точную картину богословских и пастырских трудов, протекавших в Вышенском затворе, воссоздают письма святителя Феофана, впервые размещенные по хронологии.

Более двух тысяч писем святителя опубликовано. Обнаруживаются новые, прежде не известные — к К. П. Победоносцеву, к семье С. О. Бурачка, к семье княгини Н. И. Кугушевой, к профессору И. Д. Андрееву...

«Летопись» проясняет многое, что было до времени сокрыто. Так, более тридцати писем свт. Феофана к игумену Тихону Ципляковскому, ставшему в конце 1880-х годов духовником Вышенского затворника, традиционно публиковались как «Письма к о. Т.». Когда в «Летописи» рядом с ними легли письма святителя Феофана, адресованные афонскому монаху о. Арсению,

подлинное имя адресата раскрылось, дополнилась подробностями история его жизни.

Завершает «Летопись» подробное описание кельи Вышенского Затворника, какой она была в день его кончины. В Приложении — полная библиография первых посмертных публикаций писем святителя Феофана и воспоминаний о нем. Новейшие материалы заключительного раздела — документы о продаже наследниками рукописей преосвященного Афонскому Пантелеимону монастырю.

Задача «Летописи» жизни и творений святителя Феофана — стать важным шагом к научному освоению его духовного, творческого и эпистолярного наследия, полно и глубоко представить личность преосвященного, его духовный путь, пастырскую и просветительскую деятельность.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ РО ИРАИ РАН. Ф. 34 (С. О. Бурачок). Ед. хр. 470. Л. 4 об.—5.

² Муравьев А. Н. Письма с Востока в 1849 1850 годах. Ч. II. СПб. 1851. С. 204-206.

³ Книга бытия моего. Дневники и автобиографические записки епископа Порфирия Успенского. Ч. V. СПб. 1899. С. 223-224.

⁴ РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Ед. хр. 1123. Л. 18 об.

⁵ АРПМА. Ф. Свт. Феофана (Говорова). Оп. 24. Д. 41. Док. 4011. Л. 287.

⁶ Биографический словарь студентов первых XXVIII-ми курсов С.-Петербургской Духовной академии: 1814-1869 гг. Составил Алексей Родосский. К 100-летию С.-Петербургской Духовной академии. СПб. 1907. С. LXVI.

ФЕОФАН ЗАТВОРНИК В ПИСЬМАХ ВАРВАРЫ ИОРДАН

Из доклада эксперта Научно-редакционного совета по подготовке Полного собрания творений святителя Феофана Затворника, главного архивиста НИОР РГБ Д. А. Чудинова «Неизвестная духовная дочь Феофана Затворника: из переписки В. А. Иордан и архиепископа Саввы (Тихомирова)»

В конце 2013 года в фондах НИО рукописей РГБ в рамках работы над проектом издания Полного собрания творений святителя Феофана Затворника были обнаружены письма супруги русского художника, академика и ректора Императорской академии художеств Федора Ивановича Иордана (1800-1883) — Варвары Александровны Иордан (урожденной Пушиной), адресованные известному церковному археологу, архиепископу Тверскому и Кашинскому Савве (Тихомирову) (1819-1896). Они частично публиковались еще до революции 1917 года в «Богословском вестнике» — журнале Московской Духовной академии, в качестве цитат в «Хронике моей жизни» преосвященного Саввы. Однако неко-

торое их число не было пропущено в печать цензурой, поскольку Варвара Александровна весьма смело рассуждала о делах духовных и светских, о политике, о церковных иерархах, о министрах и даже об императорской семье, щедро делясь с преосвященным Саввой своими мыслями и соображениями по тому или иному вопросу. Без всякого сомнения, эти письма представляют большой интерес, как для профессиональных исследователей, так и для обычных читателей — настолько любопытные сведения и суждения в них высказаны. Но наше внимание они привлекли по несколько иному поводу.

Дело в том, что Варвара Александровна Иордан, как стало известно из этих писем, являлась одним из духовных чад святителя Феофана Затворника, наряду с семействами Бурачков, Первухиных, Бутеневых и князей Кугушевых, княгиней П. С. Лукомской и Е. А. Арнольди.

Всего в архиве преосвященного Саввы хранится 95 адресованных ему писем Варвары Иордан. Святитель Феофан упоминается в 25 из них, и эти упоминания очень ценны для составления полной картины жизни великого подвижника. Остановимся на некоторых из них.

Самое раннее письмо Варвары Александровны к преосвященному Савве, из выявленных на

сегодняшний день, датируется 8 июня 1884 года. В постскрипуме к нему мы встречаем первое упоминание о святителе Феофане: «...P.S. Я ходила к Пр. Палладию, чтобы спросить у него про Владыку Феофана, но он не виделся с ним уже два года»¹. Пр. Палладий — это Палладий II (Ганкевич) (1823-1893), епископ Тамбовский и Шацкий, впоследствии архиепископ Вольнский и Житомирский. Известно, что во время пребывания в затворе преосвященный Феофан неоднократно отказывал многим желающим встретиться с ним, в том числе и праведному Иоанну Кронштадтскому (1829-1908), чем вызвал сильное негодование его приверженцев, а также великим князьям Сергею (1857-1905) и Павлу (1860-1919) Александровичам, о чем еще будет сказано ниже. При этом преосвященный Палладий виделся с вышенским затворником несколько раз, о чем писал в письмах к архиепископу Могилевскому Евсевию (Ораинскому) (1805-1883)². Судя по всему, преосвященный Палладий виделся со святителем Феофаном и в начале 1880-х гг., когда святитель ездил в Тамбов и Москву консультироваться с окулистами по поводу возникших проблем со зрением.

Упоминание преосвященного Феофана в следующем письме госпожи Иордан, от 28 октября 1884 года, более пространно: «... Я уехала ведь от Вас, Владыко Святый, весьма недовольная собою, потому что я наболтала много лишнего. Пр. Феофан советует мне отсекаать мало-помалу все лишние знакомства и в обществе людей единомысленных быть более слушающей, чем говорить. Я стараюсь по мере возможности исполнять это, но ведь я сама не знаю, почему я так увлеклась и стала говорить о том, что меня не касается, то есть о Пр. Ионафане и о Мраморном

дворце и так далее»³. Упомянутый здесь «Пр. Ионафан» — это Ионафан (Руднев) (1816-1906), с 1883 года — архиепископ Ярославский и Ростовский, основавший в Ярославле противораскольническое братство имени святителя Дмитрия Ростовского и епархиальное женское училище, пользовавшийся заслуженной любовью своей паствы. Его имя часто мелькает на страницах писем Варвары Александровны. Что же до Мраморного дворца, то здесь имеется в виду Мраморный дворец в Санкт-Петербурге, в описываемое время принадлежавший великому князю, второму сыну Николая I Константину Николаевичу (1827-1892).

Следующее письмо было написано 28 апреля 1885 года. Госпожа Иордан пишет: «... Я очень озабочена вопросом, кто будет назначен в Тамбов, потому что Пр. Феофан более или менее в зависимости от епархиального архиерея. По всей вероятности, Вы в принципе порешили это дело»⁴. Преосвященный Феофан, вне всякого сомнения, зависел от того, кто занимал архиерейскую кафедру в Тамбове, поскольку Вышенская обитель тогда находилась на территории Тамбовской епархии (сейчас — Рязанской). В описываемый период (весна 1885 года) епископ Тамбовский и Шацкий Палладий II (Ганкевич) (1823-1893), тот самый, с которым несколько раз встречался вышенский затворник, был назначен архиепископом Вольнским и Житомирским. В Тамбов же 11 мая перешел преосвященный Виталий (Иосифов) (1831-1892). Фраза «По всей вероятности, Вы в принципе порешили это дело» объясняется просто: с 1883 года преосвященный Савва присутствовал в Святейшем Синоде, где и решались вопросы назначения епархиальных архиереев.

В письме от 10 апреля 1886 года читаем: «Полагаю, что митрополит Платон останавливался у Вас в Твери. Я простилась с ним в день его отъезда после Литургии, которую он служил сам. Простилась с ним с умилением, потому что навряд ли я увижу его когда-нибудь. Он приезжает в Петербург около декабря месяца, а я предполагаю, если Господь благословит, в сентябре месяце совсем уехать из Петербурга. Не знаю еще, где поселюсь; я ищу уединения и хочу, по заповеди Пр. Феофана, жить так, чтобы знать только церковь и квартиру, квартиру и церковь. В монашество не имею расположения поступить»⁵. Упоминаемый здесь митрополит Платон — по всей видимости, Платон (Городецкий) (1803-1891), митрополит Киевский и Галицкий (с 1882 года).

Письмо от 25 апреля 1886 года: «... Очень, очень рада, Владыко Святый, что Ваше драгоценное зрение обеспечено, а вот у Пр. Феофана и последний его глаз делается плох. Так мне говорили, а насколько это справедливо, не знаю, потому что мне он никогда не пишет о здоровье своем. В последнем письме от 3-го апреля он говорит, что Москва святей и тише Петербурга. С этим, я думаю, Вы согласны, Владыко Святый. Затем он так хорошо говорит о молитве, что она «проба всего, и двигатель и направитель, что она — барометр жизни духовной. Что коль скоро молитва исправна, все исправно, что она не допустит быть чему-либо неисправным, только бы не было нерадения и лености»⁶. Действительно, под конец жизни преосвященный Феофан очень страдал от тяжелой катаракты на правом глазу, которая мешала его ученым занятиям. Для консультаций с врачами святителю пришлось вынужденно нарушить затвор, однако назначенное лечение не по-

могло, и к 1888 году правый глаз святителя окончательно перестал видеть.

В нескольких последующих письмах мы обнаруживаем, что у Варвары Александровны снова появляется желание сменить место жительства, покинув Петербург. Не последнюю роль в этом сыграло и влияние святителя Феофана. Вот письмо от 28 мая 1886 года, из Кашина: «... Но осенью, если Богу угодно, я совсем уеду отсюда и первую зиму хочу провести в Москве, о которой Пр. Феофан выражается так в письме своем ко мне: Москва святее и тише Петербурга. А для меня она представляет то великое удобство, что я не имею там ни одного человека знакомого, а в Киеве, напротив, много, поэтому я и предпочитаю Москву»⁷; о том же говорится и в письмах от 13 июня 1887 года, из Петербурга: («... Пр. Феофан положительно не благословляет меня уезжать из Петербурга по крайней мере теперь, а так как мне необходимо заняться наконец биографией моего мужа, то я и хочу переменить квартал. Вас. Остр. (Васильевский остров — *Прим. авт.*) более мне родина, чем Тамбов, где я родилась, что дом, то знакомые, с делом и без дела заходят человек по 10-ть в день»⁸) и от 9 декабря 1887 года («... Кроме того, здесь я продолжаю убаюкивать себя надеждой, что с окраины города мне будет легче уезжать из Петербурга, потому что я продолжаю рваться отсюда. Мой Владыка (Пр. Феофан) все еще не дает мне разрешения; он, несмотря на слабость зрения, продолжает мне писать и с каждым разом все больше и больше меня пробирает, — особенно в последнем письме от 30-го ноября»⁹).

В письме от 11 июля 1887 года из Оптиной пустыни упоминается еще одна духовная дочь святителя Феофана — Варвара Васильевна Швид-

ВАРВАРА Александровна Иордан

ковская, с которой Варвара Иордан была хорошо знакома: «... В конце этой недели мы расстанемся: Саломены поедут в деревню Рязанской губ., а я, если Господь благословит, направляюсь в Задонск для свидания с Варварой Васильевной. В последнем письме своем, от 6-го июня, Пр. Феофан пишет мне: “В. В. все болеет, но она богата верою и упованием”. О себе говорит, что старческие недуги все прибавляются и что глаз (последний) не обнадеживает выздоровлением»¹⁰. Упомянутые Саломены — это Петр Иванович Саломон (1819-1905), действительный тайный советник, член Государственного Совета Российской Империи, и его супруга — Поликсена Васильевна Саломон (урожденная Голов-

нина, 1824-1909). Семья Саломенов была среди духовных чад преподобного Амвросия Оптинского, а Поликсена Васильевна еще и состояла в переписке с вышеупомянутой княгиней Пелагией Сергеевной Лукомской, духовной дочерью святителя Феофана.

Судя по содержанию последующих писем, желание Варвары Александровны покинуть Петербург, пусть даже и без одобрения своего духовного наставника, все-таки сбылось. Теперь госпожа Иордан перебирается на жительство для духовного окормления в одну из наиболее известных обителей, прославившихся благодаря деятельности еще одного великого святителя Земли Русской — преосвященного Игнатия (Брянчанинова) — Троице-Сергиевскую пустынь, откуда и продолжает переписку с преосвященным Саввой. В нескольких письмах Варвары Александровны оттуда упоминается и святитель Феофан — например, в письмах от 29 ноября 1888 года: «... Пр. Феофан мне часто пишет сюда; спаси его Господь!»¹¹; от 10 декабря 1888 года: «... Пр. Феофан писал мне однажды, что клевета — целительная грязь, но, признаюсь, нелегко омываться ею!»¹².

В нескольких письмах 1890 года госпожа Иордан пишет, что святитель начинает жаловаться ей на здоровье, чего за ним, по ее же собственным словам, ранее не наблюдалось. Это письма от 21 ноября 1890 года: («... Пр. Феофан в последнем письме своем от 18 октября писал мне, что стал очень слабеть и больше лежит»¹³) и от 27 января 1891 года: («... Пр. Феофан серьезно болел в конце прошлого года, теперь несколько поправился, пишет между прочим... — Сделаю выписку отдельно»¹⁴). Следует отметить, что эта выписка хранится в том же архивном фонде, но

АРХИЕПИСКОП Савва (Тихомиров)

как отдельная единица хранения. Вот она: «Из письма Пр. Феофана от 13 января 91 года. “Больше хожу, когда читаю, только сидя пишу... что бывает не больше двух-трех часов в день. Усиленные занятия... Прошло для них уже время. А когда они были, тогда не чувствовалось утомления. Лучше всего все производить от того, что время силы прошло; настала старость, которая очень подавлива на недомогания”»¹⁵.

В письме Варвары Александровны от 12 сентября 1891 года впервые затрагивается духовное творчество святителя Феофана: «... С Пр. Феофаном у меня этот год очень оживленная переписка по поводу его последней книжки “Душа и

ангел — не тело, а дух”. Это давний спор о телесности естества ангелов и душ. Наши сергиевцы, конечно, за Пр. Игнатия»¹⁶. Здесь речь идет о важном эпизоде в истории русского православного догматического богословия — полемике Феофана Затворника с Игнатием (Брянчаниновым) о природе ангелов и души человека. История этой дискуссии такова. Святитель Игнатий в своей книге «Слово о смерти», вышедшей в 1862 году, утверждал, что ангелы и душа обладают определенной «тонкой эфирной телесностью». Святитель же Феофан считал излишним стремление проникнуть в природу устройства ангелов и души, отрицая зависимость ангелов от пространства и времени и не признавая «тонкую вещественность» как ангелов, так и души. Свои убеждения он выразил в произведении под названием «Душа и ангел — не тело, а дух», вышедшем уже после смерти святителя Игнатия, после которой, кстати говоря, дискуссия не окончилась, и защитниками идей преосвященного Игнатия стали насельники Троице-Сергиевой пустыни — те самые «сергиевцы», о которых пишет В. А. Иордан.

Письмо от 19 октября 1891 года, из той же Сергиевской пустыни: «... Вот и О. Амвросий скончался; мне писала П. В. Саломон, что его уходили скорби. Вероятно, ему были неприятности за то, что он переехал из Оптиной Пустыни в Шамордино, где он и скончался. В его отсутствие совсем не было богомольцев в Оптиной; теперь действительно не осталось более старцев на Руси. Ведь Пр. Феофан никого не принимает, даже отказал летом одному из В. Князей. Он также болен инфлюэнцой и писал мне, что “от сей сударыни трудно отделаться”. Посылая мне книги, написал собственноручно на холсте “по Бал-

тийской чугунке». Вот ему уже 76 лет, дай Господи, чтобы он пожил еще!» Ниже, на том же листе: «... Пр. Феофан пишет: юбилей! А не праздновал. Надо праздновать тому, кто наделал много добра. А мне плакать надо — горько и прегорько»¹⁷. Упомянутый о. Амвросий — это преподобный Амвросий Оптинский (1812-1891), знаменитый старец Оптиной пустыни, прославленный в лике святых.

14 декабря 1893 года Варвара Александровна пишет уже из Ораниенбаума: «... Великое для меня утешение — переписка с Пр. Феофаном. Владыка так милостив, что часто мне пишет. В ноябре я получила от него три письма»¹⁸.

Однако дни святителя уже близились к концу. Из обнаруженных писем это последнее, написанное Варварой Александровной при жизни пресвященного Феофана.

Следующее письмо, из Ораниенбаума, датировано 20 марта 1894 года. Святитель Феофан к тому времени уже скончался — 6 января 1894 года, на праздник Богоявления, и скорбь Варвары Александровны поистине безгранична: «... Ублажаю Вас, Владыко Святый, что Вы так мудро распорядились со своим сокровищем. Всей душой скорблю, что Пресвященный Феофан не сделал этого. Библиотеку, как все оставшееся после него имущество, наследует племянник его, мирской человек, который, пожалуй, распродаст книги по частным букинистам или в рынки.

Кончина Владыки была для меня тяжелым и неожиданным ударом. Он писал мне за неделю, 29 декабря, четким почерком, интересуясь всем, даже шутил; так, например, говоря о том, что Пр. Павел проезжал Моршанск, направляясь из Астрахани в Пензу, он прибавил: «Всё перемены; верно, боятс, как бы не заснули наши!»...

Последнее время он жаловался на бессонницу, но в остальном чувствовал себя хорошо, и архимандрит Аркадий (настоятель Вышенской пустыни) писал мне, что он ходил 1-го января поздравлять его с Новым Годом и оставил его совершенно здоровым.

Отцу Аркадию хочется составить жизнеописание покойного Владыки, потому что многое из того, что было написано, неточно... Забыла сказать, что, к удивлению О. Аркадия, Пр. Феофан не уничтожал получаемые им письма. Он, конечно, не мог разобраться в этой массе, но какие успел вытащил мои и прислал. Были старые от 79-го года. На всех помечено карандашом «Отвечено». И для чего берег их Пресвященный, понять не могу... А ведь на Пр. Феофана до сих пор негодуют почитатели О. Иоанна за то, что он не принял его в октябре месяце. Но как он мог сделать исключение для О. Иоанна, когда он не принимал епархиального архиерея, не принял и В. князей Сергея и Павла Александровичей. Пр. Иероним просил разрешения совершить отпевание Арх. Аркадию, но ему отвечали, чтобы он непременно поехал сам, он так и сделал»¹⁹. Следует отметить, что святитель Феофан обладал одной из самых крупных частных библиотек того времени, более чем наполовину состоявшей из иностранных книг; в ней были книги по истории и философии, фармакологии, медицине (в основном — по гомеопатии, анатомии, гигиене) и научно-естественным дисциплинам, произведения русских и зарубежных писателей — Пушкина, Грибоедова, Шекспира... Когда святитель скончался, единственным его наследником стал племянник, Алексей Гаврилович Говоров (ок. 1847-1896), на дворный советник, судебный пристав Московского окружного суда. Однако вскоре он тоже

умер. Оставшиеся к тому времени полными сиротами четверо его маленьких детей нуждались в деньгах, и их опекуны вынуждены были продать библиотеку святителя Феофана московскому купцу Лосеву, который в свою очередь принес ее в дар московской Никольской церкви в Толмачах. В годы революции следы библиотеки оказались утрачены, и поиски ее ведутся до сих пор... Упомянутый архимандрит Аркадий — это Аркадий

ДО СИХ ПОР МНЕ НЕ ВЕРИТСЯ, ЧТО ЕГО НЕТ БОЛЕЕ. НЕКОТОРЫЕ ИЗ ЕГО ПИСЕМ, В ЧИСЛЕ 45, Я ПОСЛАЛА В «ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНИЕ», ЭТО БЫЛ ЕГО ЛЮБИМЫЙ ЖУРНАЛ

(Честонов), настоятель Вышенской пустыни с 1862 по 1907 гг., один из немногих, кто имел возможность непосредственно общаться с преосвященным затворником. Преосвященный Иероним, отведавший умершего святителя, — это епископ Тамбовский и Шацкий Иероним (Экземплярский) (1836-1905), впоследствии архиепископ Варшавский и Привислинский — он фигурирует и в следующем письме, от 26 апреля 1894 года: «... Вы упомянули, Высокопреосвященнейший Владыко, о Преосвященном Тамбовском. В Петербурге объясняли его нежелание приехать на отпевание тем, что Пр. Феофан не принимал его. Но ведь последние годы он никого не принимал, даже Великих Князей. Посылаю Вам выписку из его письма. Показать ее нельзя никому, а то сейчас отпечатают»²⁰. Вот эта выписка: «Выдержка из последнего письма Пр. Феофана, от 15 дек. 1893 г. “Недавно из Казанской Академии студент — из крестьянского рода Саратовского Балашовского уезда, писал мне,

что, положив заняться духовною жизнью, стал читать то и другое... Все будто не клеится... но напал на мои книжки и прицепился к ним. В первую неделю настоящего поста (Рождественского) говел... С четверга на пятницу молился долго... и к обычным молитвам приложил канон покаянный Св. Андрея Критского. Когда дошел до стиха “Авелеве, Иисусе, не уподобихся правде”, свет умный озарил душу его, и он увидел все свои нечистоты... пошли слезы, вздыхания, себя осуждение и укорение. При этом все тяготевшее сбрасывалось одно за другим, и в итоге породилось решение все омыть искренним покаянием и исповедью и потом встать ногою на добром пути — вступить в монашество, чтобы трудами покаяния возратить первую детскую чистоту и ее принести как Авелеву жертву. — Утром отправился в М-рь, все рассказал духовному отцу... получил разрешение, причастился Святых Таин и только ждет, когда привезть в исполнение обет свой. Он на выходе из Академии, проживает IV курс и готовит кандидатское сочинение, предмет которого совпадает с его настоящим настроением... Слава Богу, благодать Божия не оставляет нас, когда находит в нас готовую подготовку. Интересна эта новость?! Думаю, что Вы кивнете головой в знак утвердительного ответа”»²¹.

В следующем письме, от 22 июня 1894 года, из Петербурга, Варвара Александровна поздравляет преосвященного Савву с присвоением ему ученой степени доктора богословия: «... Здесь узнала о возведении Вашего Высокопреосвященства в степень доктора Богословия, чему от души порадовалась, вспомнив, что Пр. Феофан, хотя и был отрешен от всего земного и преходящего, а этому диплому очень был рад»²². Напомним, что степень доктора богословия была при-

своена святителю Феофану в 1890 году Ученым советом Санкт-Петербургской Духовной академии, в которой он много лет был преподавателем, а затем ректором и главным редактором академического журнала «Христианское чтение». Со столичной академией были тесно связаны жизнь, служение и ученые труды преосвященного Феофана, там были заложены основы его духовного творчества, поэтому святитель действительно ценил присвоенное ему академией почетное звание.

В двух последних по времени из найденных писем Варвара Александровна продолжает переживать по поводу утраты своего духовного пастьера (письма от 20 сентября (год не указан)) («... Не могу до сих пор привыкнуть к мысли, что Пр. Феофана более нет, он как будто все унес с собою...»²³) и от 29 декабря 1894 года («... Вот и конец года, вот близится и роковая годовщина — кончина Преосвященного Феофана и с нею мое сиротство. До сих пор не верится мне, что его нет более. Некоторые из его писем, в числе 45, я послала в «Душеполезное чтение», это был его любимый журнал»²⁴), а также от 14 апреля 1895 года, из Ораниенбаума: «... Исполнилось 15 месяцев, как скончался Пр. Феофан. Я всякую субботу служу по нем панихиды и не могу без слез вспоминать о нем...»²⁵).

Хочется отметить, что на сегодняшний день письма преосвященного Феофана к Варваре Иордан, отправленные в редакцию «Душеполезного чтения» (ежемесячный православный журнал, издававшийся в Москве в 1860-1917 гг.), до сих пор не идентифицированы. По сложившейся практике того времени публикуемая переписка размещалась по возможности без указания имен, часто с заменой их вымышленными инициалами.

Это делалось для того, чтобы дать возможность авторам писем, многие из которых на момент публикации были вполне живы и здоровы, сохранить в тайне содержащиеся в переписке подробности своей жизни, часто сокровенного свойства. Так что эта работа еще ждет своего исследователя.

Следует также обратить внимание, что в этом же архивном фонде хранятся два ответных письма (к сожалению, по какой-то причине всего два!), отправленных преосвященным Саввой Варваре Иордан, в которых упоминается Феофан Затворник. Оба они написаны уже после кончины святителя.

Из первого, от 6 апреля 1894 года, отправленного в Ораниенбаум, мы можем узнать о характере знакомства преосвященного Саввы со святителем Феофаном: «... Вечная память блаженному затворнику. С Преосвященным Феофаном я мало был знаком. Однажды только виделся я с ним, когда он проезжал чрез Москву на Тамбовскую епархию. Когда он был на Владимирской кафедре, я имел надобность писать ему раза два три. Очень странно, что преосвященный Тамбовский (Иероним) не хотел совершить чин отпевания над усопшим достойным иерархом. Жаль, что покойный Владыка заблаговременно не распорядился своими книжными и письменными сокровищами. Вероятно, они бесследно исчезнут в руках наследника-мирянина»²⁶. Во втором письме, от 7 января 1895 года, интересующие нас сведения совсем кратки: «... Понимаю Вашу скорбь о кончине Преосв. Феофана. В нем Вы лишились истинно доброго и многоопытного руководителя в жизни духовной. Вы добре поступили, передав письма его к Вам в редакцию «Душеполезного чтения»»²⁷.

В данной работе мы затронули только те письма Варвары Иордан, в которых упоминается святитель Феофан Затворник. Они помогут в проводимой Издательским советом Русской Православной Церкви работе по подготовке из-

дания Полного собрания творений святителя Феофана и предоставляют возможность вернуть имя духовной дочери преосвященного Феофана из забвения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ НИОР РГБ. Ф. 262 к. 34 ед. 1. *Иордан, Варвара Александровна*. Письма к Савве (Тихомирову). 1884-1887 гг. 59 лл. Л. 2.

² НИОР РГБ. Ф. 262 к. 54 ед. 48. Выписки из переписки духовных лиц 1857-1880 гг. (1870-1880е гг.) рукой Саввы (Тихомирова) и писарские. 58 лл. Л. 38-38об.

³ НИОР РГБ. Ф. 262 к. 34 ед. 1. *Иордан, Варвара Александровна*. Письма к Савве (Тихомирову). 1884-1887 гг. 59 лл. Л. Соб-6.

⁴ НИОР РГБ. Ф. 262 к. 34 ед. 1. *Иордан, Варвара Александровна*. Письма к Савве (Тихомирову). 1884-1887 гг. 59 лл. Л. 12.

⁵ Там же. Л. 24об-25.

⁶ Там же. Л. 26об-27.

⁷ НИОР РГБ. Ф. 262 к. 34 ед. 1. *Иордан, Варвара Александровна*. Письма к Савве (Тихомирову). 1884-1887 гг. 59 лл. Л. 28об-29.

⁸ НИОР РГБ. Ф. 262 к. 34 ед. 1. *Иордан, Варвара Александровна*. Письма к Савве (Тихомирову). 1884-1887 гг. 59 лл. Л. 49.

⁹ Там же. Л. 57-57об.

¹⁰ НИОР РГБ. Ф. 262 к. 34 ед. 2. *Иордан, Варвара Александровна*. Письма к Савве (Тихомирову). 1888-1889 гг. 61 лл. Л. 13об.

¹¹ Там же. Л. 21.

¹² Там же. Л. 22об.

¹³ НИОР РГБ. Ф. 262 к. 34 ед. 3. *Иордан, Варвара Алек-*

сандровна. Письма к Савве (Тихомирову). 1890-1891 гг. 45 лл. Л. 23.

¹⁴ Там же. Л. 29об.

¹⁵ Ф. 262 к. 44 ед. 15. *Феофан, епископ*. Выписка из письма к Савве, архиепископу Тверскому. 1 января 1891 г. 1 л.

¹⁶ НИОР РГБ. Ф. 262 к. 34 ед. 3. *Иордан, Варвара Александровна*. Письма к Савве (Тихомирову). 1890-1891 гг. 45 лл. Л. 33об.

¹⁷ Там же. Л. 37об.

¹⁸ НИОР РГБ. Ф. 262 к. 34 ед. 4. *Иордан, Варвара Александровна*. Письма к Савве (Тихомирову). 1892-1896 гг. 38 лл. Л. 1об-2.

¹⁹ НИОР РГБ. Ф. 262 к. 34 ед. 4. *Иордан, Варвара Александровна*. Письма к Савве (Тихомирову). 1892-1896 гг. 38 лл. Л. 4-5.

²⁰ Там же. Л. 9.

²¹ НИОР РГБ. Ф. 262 к. 34 ед. 4. *Иордан, Варвара Александровна*. Письма к Савве (Тихомирову). 1892-1896 гг. 38 лл. Л. 10-11.

²² Там же. Л. 1-1об.

²³ Там же. Л. 13об.

²⁴ Там же. Л. 19.

²⁵ Там же. Л. 38об.

²⁶ НИОР РГБ. Ф. 262 к. 23 ед. 83. *Савва (Тихомиров, Ив. М.), архиепископ Тверской*. Письма к Иордан, Варваре Александровне. 1885-1895 гг. 41 лл. Л. 37-37об.

²⁷ Там же. Л. 39об.

ФЕОФАН ЗАТВОРНИК И БОЛГАРСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Из доклада члена Научно-редакционного совета по подготовке Полного собрания творений святытеля Феофана, Затворника Вышенского, д. ф. н. В. В. Кашириной «Святитель Феофан Затворник в вопросе о греко-болгарской схизме»

Вопрос о греко-болгарской распри является одним из ключевых церковно-общественных вопросов второй половины XIX века, при решении которого столкнулись геополитические и церковные интересы многих великих государств.

Болгарская Церковь была основана в 870 году и первоначально входила в юрисдикцию Константинополя на правах автономии. В 1235 году был создан Болгарский Патриархат с центром в Тырнове, просуществовавший до 1396 года, когда Болгария была завоевана турками. В период турецкого владычества Болгарская Церковь входила в состав Константинопольской, Охридской, Печской Патриархий, после упразднения двух последних (1766-1767) — в состав Константинопольского Патриархата. При этом было упразднено не только патриаршество, но и автокефалия Болгарской Церкви, которой она обладала более четырех с половиной веков.

К XVIII веку высшее духовенство в Болгарии было в основном греческим, «славянский язык употреблялся в основном в сельской местности, а зажиточные горожане охотно воспринимали греческий язык и культуру»¹.

Период пробуждения национального самосознания начался с конца XVIII века, одним из ярких его проявлений явилась «История славяноболгарская» Паисия Хилендарского (1762), в которой он подчеркивал, что «болгары первыми

приняли святое крещение»². Процесс национального просвещения проходил в непростых условиях. Известно, что в начале XIX века было уничтожено множество памятников славянской письменности (например, в 1830-е гг. в Тырново митрополит Неофит велел сжечь все древние болгарские рукописи, в том числе знаменитую библиотеку патриарха Евфимия).

Идея о церковной независимости от Константинопольской Церкви среди болгарского народа развивалась вместе с идеей об освобождении от Османского ига. После того, как Греция получила независимость (1830), «произошел всплеск националистических настроений, выразившихся в идеологии панэллинизма. Константинопольская Патриархия также была вовлечена в эти бурные процессы и стала все чаще олицетворять собой силу, тормозившую возрождение других православных народов»³. Константинопольская Церковь пыталась эллинизировать Болгарскую Церковь, все более и более отстаивая интересы греческого народа, а не Православия в целом⁴.

В 1856 году Портой был издан хатт-и-хумаюн, согласно которому христиане приравнивались в правах к мусульманам. На Поместных соборах (1850, 1858) Константинопольская Патриархия отклонила требование болгар о самостоятельном избрании священников и епископов, о необходимом знании кандидатами болгарского языка.

Значительным событием в развитии конфликта стало пасхальное богослужение в Константинополе 3 апреля 1860 года в болгарском храме в честь святого Стефана. Епископ Макариопольский Иларион (Стоянов) по требованию собравшегося народа не помянул за богослужением Константинопольского Патриарха, что означало отказ от признания церковной юрисдикции Константинополя.

В обстановке назревающего конфликта между Греческой и Болгарской Церквями настоятелем Русской посольской церкви в Константинополе 21 мая 1856 года был назначен архимандрит Феофан (Говоров), который был хорошо знаком с православным Востоком. Незадолго перед этим назначением он провел на Востоке свыше шести лет (1847-1854) в составе члена первой Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, где познакомился с представителями как греческого православия, так и инославного духовенства, и по замечанию самого святителя: «... несмотря на свое материальное и нравственное стеснение, греческое духовенство очень кичилось пред нашу миссию тем, что Русская Церковь занимала православную веру от греков, хотя было мало действительных оснований для подобной кичливости. Правда, греческое духовенство было довольно твердо в православии, но нравственная жизнь его была далеко не безупречна...»⁵

Назначение будущего вышенского затворника на новый пост совпало с окончанием Крымской (или Восточной) войны 1853-1856 гг. В марте 1856 года был подписан Парижский мирный трактат, согласно которому Россия потеряла свое политическое влияние на Востоке. Одним из униительных условий договора было условие о так

называемой «нейтрализации» Черного моря, согласно которому России запретили иметь на Черном море военно-морские силы, военные арсеналы и крепости, что наносило существенный удар по безопасности южных границ. Одной из политических задач русского правительства стало возвращение влияния и укрепления позиций на Востоке, а также положительное решение назревавшего греко-болгарского вопроса.

В Одессе, по пути на новое место служения, святитель Феофан встретился с архиепископом Херсонским Иннокентием (Борисовым), который попросил его собрать сведения о греко-болгарском вопросе и, по предположению профессора Киевской Духовной академии Федора Ивановича Титова (1864-1935), для этого дал архимандриту Феофану подробную инструкцию и «даже наметил пункты, на которые тот должен был собрать и сообщить ему сведения»⁶. Действительно, в самом письме архимандрита Феофана от 9 марта 1857 года мы находим соответствующие вопросы, поставленные в начале абзацев («чего ищут болгары»; «откуда это повсюдное движение болгар в одно почти время» и др.).

В предисловии к публикации этого письма Ф. И. Титов сообщает, что оригинал записки был передан ему в составе бумага митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова), к нему попал в 70-е гг. от историка Александра Викторовича Рачинского (1826-1876), который в конце 50-х годов по поручению Министерства иностранных дел путешествовал по Македонии и Болгарии, а с 1859 по 1862 гг. был консулом в Варне. Письмо святителя Феофана с примечаниями А. В. Рачинского было опубликовано Ф. И. Титовым в 1895 году (Причем, стоит отметить, что в письме к историку в ноябре 1876 года свя-

ПРЕПОДОБНЫЙ Паисий Хилендарский

титель Феофан разрешал публикацию своих материалов, только просил смягчить резкие суждения о греках)⁷. Копии с черного автографа этой записки хранятся в архиве Свято-Пантелеимонова монастыря⁸ и в Национальной библиотеке Украины⁹ и содержат незначительные различия с опубликованным документом.

Письмо, или точнее обстоятельный доклад святителя Феофана, который был представлен 9 марта 1857 года, состоит из двух частей:

1) О движении среди болгар и об отношении между болгарами и греками;

2) О состоянии Восточной Православной Церкви, главным образом Константинопольского Патриархата.

Выделим основные тезисы записки святителя.

Прежде всего, он отмечает, что среди болгар не оформилось единого мнения относительно греческого духовенства. С одной стороны, некоторые считают, что «греческие пастыри никуда негожи. Митрополиты и епископы, обдирая народ, ничего не делают в пользу его, — на славянском языке сами не служат и не благоволят к служащим на нем, — и гласно презирают болгарский язык. Школам не мешают учреждаться, но совсем не для болгарского образования, а для огречивания болгар...»¹⁰ С другой стороны, противники этого взгляда утверждают, что «только и спасения, что от греков. Митрополиты и епископы пекутся о пастве, как отцы; служат на славянском, говорят даже поучения на болгарском <...>. Положенный с приходов взнос не только не дерут без милости, но и от положенного часть оставляют в пользу школ, и именно болгарских. Если хранится православие, то именно попечительностью греческих пастырей. Не будь их. Болгарию одолеют католики. <...> епископы из болгар <...> — неучены. Несмелы, не могут назидать народ и защищать веру»¹¹.

Насколько сильны и распространены эти настроения, святитель Феофан затрудняется оценить, отмечая при этом, что обычный народ мало интересуется церковными вопросами, находится «в блаженном неведении о сем движении, живет довольный тем, что есть, и благодарит Бога»¹².

Общей церковной идеи, четких требований, по замечанию святителя Феофана, у болгар тоже нет: «Одни требуют только епископов из болгар, или из знающих болгарский язык; другие присо-

единяют к тому желание, чтобы всеми делами церковными по Болгарии управлял один митрополит болгарский, состоя в зависимости от Вселенского Патриарха; для третьих и этого мало: хотя независимого Патриарха, равного другим Патриархам, как бывало когда-то»¹³.

Святитель отмечает, что у болгар или нет и лидера, или же «он намеренно кроется за сею разрозненностью мнений, или не всеми одинаково понят»¹⁴, поэтому справедливо предположить, что есть только «начальные возбудители»¹⁵. Относительно этих так называемых «возбудителей сторонних» святитель высказывает большое опасение, так как видит их основные цели в «постепенном окатоличивании Болгарии, противопоставлении ее православному миру и России»¹⁶.

Русское посольство в этом вопросе «держит себя в стороне; однако ж разделяет желание, чтоб епископы у болгар были болгары, пожалуй, даже один митрополит из болгар на всю Болгарию»¹⁷.

Святитель отмечает и тревожные тенденции, свидетельствующие об утрате политического влияния России в решении этого вопроса, ибо «ни одна <болгарская> депутация не являлась в Русское посольство...»¹⁸. В то же время Александр Экзарх постоянно «вертится» во Французском посольстве, где «всячески отклоняют болгар от России, внушая им, что только и спасения им, что от Франции, — что посылать болгар для образования надобно не в Россию, а во Францию»¹⁹.

Кроме того, чтобы разрушить «сердечный союз болгар с Россией»²⁰ болгары перестали

АФОНСКИЙ

Свято-Пантелеимонов монастырь

печатать книги в России. Экзарх Болгарской Церкви объяснил Турецкому правительству, что получаемые из России книги «развращают народ и возбуждают его против правительства»²¹, указав на стих в помяннике: «мерзкое и богопротивное царство Агарянское...» Усилению католического влияния способствовали создаваемые пансионы для детей, где они получали западное образование, полностью отрываясь от православной традиции²². Активные действия папских проповедников привели к тому, что часть болгар уклонились в унию²³.

В качестве ответной меры святитель Феофан предлагает поддерживать доставку церковных книг из России, при этом исключив упоминание царствующих лиц и строки против агарянского царства, а также учредить пансион в Константинополе для болгарских детей. (В письме к Николаю Васильевичу Елагину (1817-1891), духовному писателю, чиновнику особых поручений при Главном управлении цензуры, святитель писал о необходимости сбора добровольных пожертвований для организации пансиона в Константинополе и шелководческой школы в Эски-Загре (ныне Старо-Загора))²⁴.

Вторая часть письма посвящена характеристике состояния Восточной Православной Церкви, главным образом Константинопольского Патриархата. Святитель отмечает «безотрадную картину о состоянии христиан на Востоке»²⁵, ибо турки, видя ослабление церковного единства, проводят свою политику, в частности, все более и более вторгаясь в дела церковные: «Жалкое положение! — Ибо к чему поведет это, при таком сильном влиянии на дела Порты со стороны французов-католиков и англичан-протестантов?»²⁶

Несмотря на сложность церковной ситуации на Востоке и охлаждение руководства Болгарской Церкви к России, святитель советует: «России, всегда великодушной <...> не оставлять своей матери по вере в этом беспомощном состоянии»²⁷.

Дальнейшие письма (в виде черновиков) святителя Феофана к архиепископу Херсонскому Иннокентию (Борисову) от 19, 29 марта 1857 года сохранились в составе Архива Афонского Свято-Пантелеимонова монастыря. Таким образом, получается, что каждые 10 дней в марте 1857 года святитель Феофан готовил письмо-отчет для Владыки Иннокентия по греко-болгарскому вопросу, что свидетельствует об актуальности этой темы для корреспондентов. В архиве монастыря сохранились как автографы писем, так и списки, выполненные в Афонском монастыре с характерной пометкой: «Письма епископа Феофана, переписано с черновых (кои в библиотеке Русика), но не все разобрано. Кому будет охота, пусть смотрят оригинал»²⁸.

В письме от 19 марта 1857 года святитель еще раз указывал на необходимость перевода книг с русского языка на болгарский, а также на необходимость открытия школ для болгарских мальчиков в Константинополе, причем до открытия большого пансиона он настоятельно предлагает открыть хотя бы пансион на пять мальчиков, плату за обучение с них не брать. Когда это дело расширится, и тогда «лучшие воспитанники по окончании посылаться будут в Русские академии или университеты»²⁹.

В письме от 29 марта 1857 года святитель Феофан писал о необходимости апостольской проповеди на Востоке. Чтобы способствовать делу духовного просвещения и собрать источники для

перевода на болгарский язык, святитель подготовил «Проект об устройении библиотеки русских духовных книг» при посольской церкви в Константинополе, а также выступил с инициативой «просить пожертвования полных изданий наших духовных журналов, и еще — сделать воззвание к русским добροхотам о жертвовании книг своего ли сочинения или благоприобретенных»³⁰. Это позволит противостоять активным действиям протестантов-протестантов, которые активно распространяют на Востоке свои сочинения. Кроме того, в России необходимо организовать институт миссионерства для распространения православия на Востоке. Для этого святитель, например, предлагает «В Юрьеве Новгородский монастырь <...> поставить бы туда ученого (но монаха), к нему подобрать человек 10 молодых ученых монахов <...>, чтоб он их подготовил к трудничеству, и апостольству во всех видах»³¹.

В марте-мае 1857 года святитель Феофан вел переписку по греко-болгарскому вопросу и с директором духовно-учебного управления Константином Степановичем Сербиновичем (1797-1874). Сохранились черновые автографы, а также копии писем в РГИА³² и в архиве Свято-Пантелеимонова монастыря³³, содержание которых во многом сблизается с письмами святителя, адресованными архиепископу Херсонскому Иннокентию (Борисову).

На посту настоятеля посольской церкви в Константинополе архимандрит Феофан находился чуть более года. 13 июня 1857 года он был назначен ректором Санкт-Петербургской Духовной академии.

Мысли святителя по греко-болгарскому вопросу содержатся также во многих рукописях из

архива Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне, которые только недавно стали доступны исследователям. Это черновые автографы, его заметки на полях к различным статьям, копии его писем и др. Большинство материалов собраны в сборнике «Записки неизвестного автора от 31.03.1863 г. о греко-болгарской распри с возражениями, и замечаниями, и пометами свт. Феофана»³⁴. В черновом автографе святителя Феофана (в конце рукописи предлагается его расшифровка), который открывает «Записки неизвестного автора», содержится анализ греко-болгарского конфликта. Выводы святителя во многом совпадают с мнением святителя Филарета (Дроздова). По мысли святителя, в разрешении этого конфликта надо действовать «не по чувству криво, а по ходу дел»³⁵. Главная опасность состоит в отпадении болгар в унию: «Хорошо, если движение болгар кончится ничем; а если действительно отпадут в католичество? — тогда что? — виноваты будут и все, могшие удерживать и не удержавшие. — Ведь отдельность от

НА ПОСТУ НАСТОЯТЕЛЯ ПОСОЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ АРХИМАНДРИТ ФЕОФАН НАХОДИЛСЯ ЧУТЬ БОЛЕЕ ГОДА

иерархии не есть отпадение от Православия, а обращение к папе есть пагуба...»³⁶ При решении вопроса надо учитывать и настроения болгарского народа, которые достигли накала: «Иерархическая форма у болгар разоряет народ, а не созидает... Это все сознали и требуют, чтоб сия форма была изменена. Она для них до того стала невыносима, что они находятся ныне в состоя-

нии отчаяния. На все готовы лишь бы избавиться от греков...»³⁷ В том, что болгары стремятся к отделению, «виноваты греки., они в начале внимания не обратили на вопль народа — большого, крепкого. Его отвергли, поносили, и клеветали на него пред Портою и пред русскими. Все это стало ведомо всему народу. — Отвращение увеличивалось, и вот плод»³⁸.

Российская Церковь, по мысли святителя, не может оставаться в стороне, ибо «не действуя никак в настоящем, мы попадем в разлад и с болгарами, и с греками...», но должна выступить посредником в решении этого конфликта, но ее позиция должна быть сдержанной и продуманной: «Действуя в пользу болгар, можно не нарушать мира с греками. — Мы явимся посредниками, чтоб как-нибудь удержать болгар в недрах православия, — или в пределах благоразумия. <Мир или разлад с греками не есть мир или разлад с Церковью>³⁹ Вот средство! Болгары хотят независимости полной. А мы посоветуем им ограничиться полунезависимостью, а греков уговорим даровать ее им. Именно: дать им одного митрополита, который будет состоять в ведении Синода и Патриарха и там заседать. Прочие же болгарские архиереи да знают только сего митрополита и его поминают. Митрополит все учреждает по канонам, и в сии его распоряжения не вмешивается Патриарх и Синод. Этим могут удовлетворяться болгары, и не совсем раздражиться греки»⁴⁰. Представляют интерес заметки святителя Феофана на копии одной рукописной записки, написанной в защиту Греческой Церкви (запись от 31 марта 1861 года, л. 9-16). Эти заметки позволяют указать те ключевые моменты во взаимоотношении двух Церквей, которые вызвали возражения святителя.

Карандашные заметки к этой статье сохранились отдельно, как заметки-автографы святителя о Православии на Балканах из рукописного архива К. К. Зедергольма⁴¹. В них святитель определяет свою позицию по отношению к греко-болгарской распри более однозначно и пишет о необходимости предоставления независимости Болгарской Церкви: «В прежних заметках греки занимали стороную. Главное были болгары. Если мнение относительно их согласно, то нечего более толковать, надо действовать... Надо теперь же стать посредниками между болгарами и Великою Церковью и уладить между ними разладицу. Отлучение Илариона углубляет раздор... Гибнет целый народ — дорогой. Надо спешить спасти его.. Именно — убедить Патриарха дать болгарам независимую, или полунезависимую иерархию... Это единственный благоприятный исход. Но греки сами сего не сделают без посредства — это по духу восточному вообще... Надо нам взяться за дело. Другие если и станут действовать, то совсем не в видах мира церковного. — Болгар воротить назад уже нет возможности. Великая Церковь должна склониться удовлетворить желание церкви народа, как сделала она и для греков — королевства греческого... Если мы оставим дело течения обстоятельств, — будет гибель целого народа»⁴².

В этой же записке, как бы отвечая на предложение графа А. П. Толстого о создании русско-греческого общества, святитель пишет о необходимости распространения переводов литературы с греческого языка: «знакомство с их литературою надо учредить и поддерживать», — отмечая при этом, что к этому вопросу надо подходить избирательно, ибо у греков «мало оригинального, все берется с Запада»⁴³. По мысли

святителя, не стоит переводить толкование богослужебных канонов и «Синаксарь» Никодима Святогорца, толкование Псалтири патриарха Анфима. В то же время советует издать творения патриарха Фотия, святого Григория Паламы, Пандекты Антиоха, слова Симеона Нового Богослова и др.⁴⁴ (надо отметить, что со временем святитель подготовил перевод слов Симеона Нового Богослова).

В тетради 1850 года «Ключ к Восточному вопросу»⁴⁵ из фонда Свято-Пантелеимонова монастыря содержится неизданная статья Степана Онисимовича Бурачка (1800-1877)⁴⁶ с карандашными пометами святителя Феофана. Список этой рукописи после 1855 года, включающий некоторые разночтения, хранится также в собрании рукописных книг Леонида (Кавелина) в рукописном фонде НИОР РГБ⁴⁷. В статье говорится об истории возникновения Восточного вопроса, а также об участии Католической церкви в его решении. О том, с каким вниманием святитель ознакомился с текстом этого сочинения, свидетельствуют многочисленные отчеркивания на полях, особенно в главах IX «Причины долгого томления славянства и Православия под игом австрийским и магометанским; условия и близость конца этого томления. Тысячелетняя борьба немцев со славянами в Германии, как окончательное порабощение онемечивание и окатоличивание австрийцами <...>», главе XII «<...> Необходимость для России навеки разойтись с латинством в дипломатических сношениях, в образе мыслей, жизни, одежды, воспитания. Ключ к Восточному вопросу — Церковь Православная <...>» и др.

Несмотря на многочисленные статьи о греко-болгарской распре в русской дореволюционной литературе и периодике⁴⁸, суждения святителя

Феофана, имели большое значение в формировании позиции Русской Церкви по данному вопросу.

Русско-турецкая война

Восточный вопрос — совокупность вопросов, связанных с кризисом в Османской империи, национально-освободительной борьбой угнетенных народов за свое национальное самоопределение и противоборство европейских государств (России, Австрии, Великобритании, Франции и др.) за политическое влияние в этом регионе. Пройдя многотрудное поприще церковного служения, в 1866 году святитель Феофан поселился в Вышенской пустыни. Из затвора он продолжал следить за развитием восточного вопроса, ожидая вестей о политической и военной ситуации в Турции и на Балканах. В письмах периода Русско-Турецкой войны святитель неизменно высказывается за национальную независимость славянских народов, за необходимость поддержки братьев по вере со стороны России. Его горячее участие в этом вопросе показывают и многочисленные письма, и воспоминания настоятеля Вышенской пустыни архимандрита Аркадия, в которых подчеркивается великодушное знание святителем позиции на фронтах и прекрасное знакомство с политической расстановкой сил в этом регионе.

Накануне Русско-Турецкой войны 1877-1878 гг. в письмах к историку А. В. Рачинскому святитель высказывает мнение о неизбежности военных столкновений. Письма написаны в период с конца 1876 по начало 1877 года после известного Апрельского восстания в Болгарии весной 1876 года, когда турецкими войсками с особой жесто-

костью были совершены массовые убийства мирных жителей. После войны болгарам можно будет «потребовать полного самоуправления, так чтобы турецкий дух совсем не пах в землях тех... Тогда духом воспрянут братья наши... сформируются и станут народом сильным. Что потом, само собою видно. Полное самоуправление я разумею, как теперь у сербов»⁴⁹.

Святитель отмечает, что, несмотря на все тяготы, война позволит решить многие политические задачи, в том числе по обретению национальной независимости болгарами: «Война многотрудна, много денег и жертв возьмет. Потому нельзя не отчураться от нее, если окажется возможность. Но судя по тому, что войною можно взять побольше, чем предназначается без войны, — и столько больше, что можно в силу ее целый народ поставить на ноги; судя по тому, что ныне есть много благоприятствующих успеху моментов в течение дел, именно, очень вероятное, — один на один, — с подспорьем от греков, Румынии и славян; судя по общему нашему воодушевлению, которое, кто знает, охватит ли нас с такою силою после когда-нибудь; — судя по всему этому я никак не удерживаюсь от желания войны, хоть и от войны мороз по коже подирает»⁵⁰.

Боле того Россия как православный собрат должна, по мысли святителя, принять участие в войне: «Оставляющий брата сам будет оставлен в час нужный. Все такие мысли прямо ведут к решению: хочешь, не хочешь, — а ступай воевать мать Русь православная. Пусть даже неудачно будет, если Богу угодно посрамить нас; но мы и пред своею совестью, и пред историею будем оправданы, что сделали свое дело достойно. Напротив, если мы ничего прочного не доставим

братьям, и воевать не станем, нам будет и пред собою стыдно, и пред другими, и пред историею, и на том свете будет нас преследовать стыд и срам. Падет Россия без войны ниже, нежели как унизит ее неудача войны»⁵¹.

Во время Русско-Турецкой войны в русском обществе чувствовалось «общее воодушевление». По свидетельству К. Н. Леонтьева, «кто же у нас не рвал и не метал за “братьев-славян” и против греков»⁵².

Это же «воодушевление», по воспоминаниям архимандрита Аркадия, царило и в уединенной келье вышенского подвижника. Во время войны архимандрит Аркадий, который по обыкновению посещал святителя для совета и духовной беседы, «застал затворника ходящим по комнате в состоянии большого волнения. На столе были развернуты атласы и карты. Оказалось, что в минуты досуга от молитвы и литературных трудов, внимательно следя по газетам за операциями русских войск на Балканах, святитель заметил какую-то ошибку в их движениях»⁵³.

О постоянной молитве за успех русского воинства святитель писал 2 августа 1877 года Н. В. Елагину, в то время, когда шли ожесточенные бои за Плевну и на Шипке: «Воинство наше молодецкое. Даруй Господи вождо нашему разум — распорядительный»⁵⁴.

В одном из писем, написанном в конце войны, святитель говорит о необходимости решения политических задач: «кажется, и войне конец, но если турки податливы будут. Боюсь, как бы не разжалобились наши. Надо Болгарию совсем отчуждать от турок, и только с большою нуждою разве уступить плату подати, как ныне Сербия. Если этого не достигнуто, надо тянуть войну; иначе она опять нужна будет чрез год, или два»⁵⁵.

ЗАЩИТА Орлиного гнезда орловцами и брянцами. Художник А. Н. Попов

19 февраля 1878 года был подписан предварительный Сан-Стефанский договор с Турцией. А уже на следующий день, 20 февраля, святитель Феофан делился радостью со своим корреспондентом: «Ну, вот и войне конец! Турки рады или нос повесили? Пообщипали их порядком. Я думаю, что конференция не будет перечить ничему, ибо сил нет.

Крепко уж мы налегали на турку, не стащипш. Англичане как шавки бегают кругом и вякают без толку. И сраму им, сраму! Тоже ширятся! Слава Тебе, Господи! Это последняя война с турками. Разве начнут обижать болгар? Но, кажется, бол-

гаре так будут поставлены, что дадут и сами отпор. У них сила великая!»⁵⁶

Еще до Берлинского конгресса, который значительно изменил условия Сан-Стефановского договора в пользу Австро-Венгрии и в ущерб славянских государств святитель Феофан 25 марта 1878 года отмечал в письме к Н. В. Елагину: «... время утвердить и узаконить сделанное. <...> Но придумайте, как бы уязвить Англию?! Так и хочется ее укусить, чтоб завизжала неблагим матом. Она — пребессовестнейшая с-на!»⁵⁷

Итоги Берлинского конгресса святитель в июле 1878 года оценивал следующим образом:

«Прочитал, что выработал конгресс. — Тяжело, крайне тяжело! — Это нам; а что Государь!? Да утешит его Господь! Но верно иначе нельзя; верно не без основания боялись коалиции — против нас. Начни новую борьбу, и все можно бы потерять. А теперь, хоть часть удержана. Конгресс, видимо, не о пользах освобождаемых народов хлопотал; а все направлял к тому, чтоб унижить Россию. И по всем пунктам, без всякой нужды сделал урезки. Какая была нужда урезать выговоренное для Черногории и Сербии, или у нас выговоренное в Азии? — Никакой. А Болгарии раздел ни для чего, как для того, чтоб

она еще послужила поводом к войне. Но Господь знает, что строит! — Верно так лучше, и буди благословенна воля Его»⁵⁸.

Во время Русско-Турецкой войны святитель — горячий сторонник славянских государств в борьбе за национальную независимость. Его оценки исторических событий читаются с ослабленным интересом. По окончании войны святитель приобрел для своей библиотеки уникальное шеститомное издание, подготовленное князем В. П. Мещерским «Сборник военных рассказов, составленных офицерами-участниками войны 1877-1878 гг.»⁵⁹

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Герд Л. А. Константинополь и Петербург: церковная политика России на Православном Востоке (1878-1898). М.: «Индрик», 2006. С. 226.

² Паусий Хилендарский. Славянобългарска история. София, 1989. С. 101.

³ Косик В. И., Темелски Хр., Турилов А. А. Болгарская Православная Церковь // Православная энциклопедия. М., 2002. Т. V. С. 630. Отметим, что энциклопедическая статья написана в соавторстве российских и болгарских историков, что повлияло на трактовку церковно-политических вопросов.

⁴ См.: Скурат К. Е. История Поместных Православных Церквей: В 2-х тт. М., 1994. Т. 1. С. 241-334.

⁵ Цит. по: Смирнов П. А. Жизнь и учение святителя Феофана Затворника. Калуга, 2008. С. 63-64.

⁶ Суждения преосвященного Феофана, бывшего епископа Владимирского, о греко-болгарском вопросе и о состоянии Православной Церкви на Востоке / Реферат, читанный 20 марта 1895 г. в церковно-археологическом обществе при Киевской Духовной академии Ф. И. Титовым. Киев, 1895. С. 3.

⁷ В письме от 1 ноября 1876 года святитель Феофан писал: «Спрашиваете о письме моем, можно ли пустить в ход. Ничего не имею сказать против. Посмотрите только, нет ли резких суждений о греках. Эти строки или опустите, или выправьте, смягчая резкость» / Три письма преосвящ<ного> Феофана по восточному вопросу // Православное обозрение. 1877. Т. 1. Март. С. 602.

⁸ Письма еп. Феофана (Говорова) к разным корреспондентам за 1875-1893 гг. // АРСИМ. Оп. 24. Д. 41. Док. 4011. Л. 188-221.

⁹ Письмо (донесение) архимандрита Феофана (Говорова) Высокопреосвященному Иннокентию Херсонскому. Копия. 24 л. // ИР НБУ. Ф. 160. Ед. хр. 1972.

¹⁰ Суждения преосвященного Феофана... С. 7.

¹¹ Там же. С. 8.

¹² Там же. С. 9.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 11.

¹⁵ Там же. С. 12.

¹⁶ Там же. С. 14.¹⁷ Там же. С. 13.¹⁸ Там же. С. 10.¹⁹ Там же. С. 15.²⁰ Там же.²¹ Там же. С. 16.

²² «...Римские патеры (лазаристы) основали около того же самого времени в одном из предместий Константинополя, Бебеке, школу, в которую начали вербовать учеников из всех возможных наций и стран, из Европы, Азии, Африки и Америки. Главною задачею наставников этой школы было — поколебать в своих воспитанниках веру, которой держались их отцы, и обучить их правилам римского катехизиса, в особенности же внушить почтение к папе и преданность католицизму. Наставниками в школе определены почти все клирики. Управление ее вверено в 50-х годах Боре, поставленному в то же самое время и главой римской миссии на Востоке.

Боре — лазарист, высокого роста и с длинно бородою, соединявший с наружною суровою набожною изысканной вкусом, приятною улыбкою, любезною и утонченною прелестью обращения, с простотою некоторые черты благородной гордости. Нравуодушный вообще к миссиям, к болгарам он оказывал особенное пристрастие. Язык болгарский он знал в совершенстве. В упомянутой школе он преподавал иногда сам. В этих случаях он любил заставлять кого-либо из воспитанников читать болгарские журналы, книги или газеты; а сам делал на них лишь замечания или объяснения. Например, когда воспитанник, читая произносил слово "православие", то Боре обыкновенно останавливал его, делал саркастическую улыбку и с видом величайшего беспристрастия замечал, что это пахнет руссеизмом.

Чтобы привлечь возможно более воспитанников в указанную школу, лазаристы ввели однообразную и довольно блестящую униформу. Не малою приманкою служит также и то, что преподавание совершается на французском языке. Язык французский считается модным на востоке и знание его служит признаком образованного человека» // *Курганов Ф. Ис-*

торический очерк греко-болгарской распри // *Православный собеседник*. 1873. Февраль. С. 197-198.

²³ «Болгары, продолжая добиваться восстановления своей народной и независимой иерархии, не остановились и пред изменой вере отцов: при энергичном содействии иезуитов, они в декабре 1860 года приняли унию с Римом. Патриарх Иоаким, не сочувствуя соглашению болгар и греков для совместного и равномерного участия в церковном управлении на основании принципа народности, принимал, однако, меры к прекращению соблазнительной распри, а вместе и к противодействию инославной пропаганде... Народу и клиру Адрианополя тогда же было послано увещание — быть верными Православной Церкви, не следовать примеру болгар, уклонившихся в унию... Увещания о подчинении Патриархии были отправлены народу и клиру Филипполя, Видина, Ниссы и Врачи» // *Соколов И. И.* Константинопольская церковь в XIX веке. СПб, 1904. Т. 1. С. 583. Католики-прозелиты поощряли болгар открывать школы и употреблять славянский язык при богослужениях. Потом вместо Патриарха или Экзарха просили помянуть папу. Затем униатов просили допустить изменения в обрядах.

²⁴ Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника: Собрание писем. Изд. Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря и изд-ва Паломник, 1994. Вып. VII. Письмо № 1051. С. 10.

²⁵ Суждения преосвященного Феофана... С. 25.

²⁶ Там же. С. 23.

²⁷ Там же.

²⁸ Письма еп. Феофана (Говорова) к разным корреспондентам за 1875-1893 гг. // *АРСМ*. Оп. 24. Д. 41. Док. 4011. Л. 188.

²⁹ Там же. Л. 222.

³⁰ Там же. Л. 225 об.

³¹ Там же. Л. 226.

³² Донесения архимандрита Феофана (Говорова) К. С. Сербиничу из Константинополя. 1857-1858 гг. // *РГИА*. Ф. 1661. Оп. 1. Д. 1604. Л. 1-17 об.

³³ Письма еп. Феофана (Говорова) к разным корреспондентам за 1875-1893 гг. // АРСПМ. Оп. 24. Д. 41. Док. 4011. Л. 310-335.

³⁴ Записки неизвестного автора от 31.03.1863 г. о греко-болгарской распри с возражениями, и замечаниями, и пометами свт. Феофана // АРСПМ. Оп. 24. Д. 42. Док. 4330.

³⁵ Там же. Л. 2.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. Л. 2 об.

³⁸ Там же.

³⁹ Написано на полях.

⁴⁰ Записки неизвестного автора от 31.03.1863 г. о греко-болгарской распри с возражениями, и замечаниями, и пометами свт. Феофана // АРСПМ. Оп. 24. Д. 42. Док. 4330. Л. 4.

⁴¹ Анализ переписки святителя Феофана и К. К. Зедергольма содержится в статье протоиерея Владимира Кутикина «Письма святителя Феофана Затворника к К. К. Зедергольму в НИОР РГБ» // Выступление на Феофановских чтениях 2014 г.

⁴² НИОР РГБ. Ф. 107. К. 6. Ед. хр. 30. Л. 55.

⁴³ Там же. Л. 55 об.

⁴⁴ Там же. Л. 55 об.-56.

⁴⁵ Ключ к восточному вопросу. 1850 // БРПМ. Ф. свт. Феофана (Говорова). Оп. 24. Док. № 33124.

⁴⁶ Благодарим за ценную справку Ответственного секретаря Научно-редакционного совета по изданию творений святителя Феофана, Затворника Вышенского, С. В. Лизунова, которая позволила атрибутировать данную рукопись.

⁴⁷ С<тепан Онисимович> Б<урачек>. Ключ к Восточному вопросу // НИОР РГБ. Ф. 557. Ед. 12. 117 л.

⁴⁸ *Лебедев А. П.* История греко-восточной церкви под властью турок: В 2-х тт. СПб, 2004; *Теплов В.* Греко-болгарский церковный вопрос. СПб, 1889; *Соколов И. И.* Константинопольская церковь в XIX веке. Т. 1. СПб, 1904. *Филиппов Т. И.* Современные церковные вопросы. СПб, 1882; *Филиппов Т.* Вселенский патриарх Григорий VI и греко-болгарская церковная распря. СПб, 1870. См. также: *Вителов Р.* Греко-

болгарская распря // Русский вестник. 1886. Январь. *Курганов Ф.* Исторический очерк греко-болгарской распри // Православный собеседник. 1873. Январь. С. 13-94. Февраль. С. 187-260. Май. С. 3-70. Июнь. С. 175-202. Июль. С. 283-335. Октябрь. С. 101-157. Ноябрь. С. 325-388; *Селецкий А.* Греко-болгарский церковный вопрос в нашей печати // Странник. 1883. Октябрь-ноябрь и др.

⁴⁹ Письмо от 15 декабря 1876 года / Три письма пресвящ<ного> Феофана по восточному вопросу // Православное обозрение. 1877. Т. 1. Март. С. 604.

⁵⁰ Письмо от 8 января 1877 года / Три письма пресвящ<ного> Феофана по восточному вопросу // Православное обозрение. 1877. Т. 1. Март. С. 607.

⁵¹ Там же. С. 607-698.

⁵² *Леонтьев К. Н.* Записки отшельника (1887) // *Леонтьев К. Н.* Восток, Россия и славянство: Философия и политическая публицистика. Духовная проза (1872-1891). М., 1991. С. 448.

⁵³ Свет неугасимый: Жизнеописание архимандрита Аркадия (Честонова). Рязань: «Лето», 2007. С. 34-35.

⁵⁴ Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника: Собрание писем. Изд. Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря и изд-ва Паломник, 1994. Вып. VII. Письмо № 1115. С. 105.

⁵⁵ Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника: Собрание писем. Изд. Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря и изд-ва Паломник, 1994. Вып. II. Письмо № 259. С. 100.

⁵⁶ Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника: Собрание писем. Изд. Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря и изд-ва Паломник, 1994. Вып. III. Письмо № 425. С. 69.

⁵⁷ Там же. Вып. VII. Письмо № 1120. С. 109.

⁵⁸ Там же. Письмо № 1123. С. 112-113.

⁵⁹ Сборник военных рассказов, составленных офицерами-участниками войны 1877-1878. СПб: Мещерский, 1878-1880. Т. 1. Альбом портретов деятелей войны 1877-1878. — 1879.

— 26 л., 26 л. портр. Т. 2. — 1879. — III, [3], 567, 160 с., 11 л. карт., факс. Т. 3. — 1879. — [2], 651, 153 с., 10 л. карт., факс. Т. 4. — 1879. — [1], 715 с. Т. 5. — 1879. — 518, 39 с. Т. 6. —

1879. — 589 с., 1 л. план. См.: Опись библиотеки еп. Феофана Затворника, сост. 24 февраля — 3 марта 1894 года // АРСИМ. Оп. № 24. Д., № 40. Док. № 4291.

ПЕРЕПИСКА СЯТИТЕЛЯ ФЕОФАНА С ЧИНОВНИКОМ СИНОДА

Из доклада протоиерея Владимира Кутикина «Письма святителя Феофана Затворника к К. К. Зедеггольму в НИОР РГБ»

В фонде Зедеггольмов в НИОР РГБ хранятся два письма святителя Феофана Затворника, адресованные К. К. Зедеггольму. Первое письмо по порядку расположения в единице хранения написано 26 октября 1861 года, когда святитель Феофан возглавлял Тамбовскую епархию. Второе послание, помеченное 3 декабря без указания года, оставляет открытым вопрос о времени его написания. Подпись «Арх<имандрит> Феофан» с большой вероятностью говорит о том, что оно было составлено в период ректорства святителя Феофана в Петербургской Духовной академии. Он был переведен в Петербург из Константинополя в 1857 году, а в июне 1859 года уже рукоположен во епископа на Тамбовскую кафедру. Однако некоторые факты, упоминаемые в приложенных к письму заметках, относятся к событиям, произошедшим не ранее 1861 года.

Адресат святителя Феофана — молодой человек лет 30-ти, окончивший Московский университет, сын немецкого пастора, принявший православие в Оптиной пустыни в 1853 году и связавший всю оставшуюся жизнь с этой обителью. Став духовным сыном преподобного Ма-

кария Оптинского, К. К. Зедеггольм включился в просветительскую деятельность, которую осуществляли ученики старца. Он переводил с иностранных языков творения святых отцов, книги которых готовились к изданию в Оптиной. В марте 1858 года К. К. Зедеггольм по благословению старца Макария и рекомендации Т. И. Филиппова поступил на должность чиновника особых поручений в аппарат Святейшего Синода и на несколько лет переехал из Москвы в Петербург.

Обер-прокурором Синода был в то время граф А. П. Толстой, назначенный на эту должность в сентябре 1856 года. Время его обер-прокурорства, которое продолжалось до 1862 года, обычно называют оптинским периодом Святейшего Синода. Тогда аппарат высшего духовного ведомства России в лице обер-прокурора и большинства его помощников состоял из учеников оптинских старцев. Сам А. П. Толстой — духовный сын известного Ржевского протоиерея Матфея Константиновского — ежегодно бывал в Оптиной пустыни.

В Петербурге, видимо, и произошло личное знакомство К. К. Зедеггольма с архимандритом

Феофаном. Оказавшись в северной столице, он пишет старцу Макарию: «Здесь очень много добрых людей озабочены тем, что словесность современная принимает гласно направление, враждебное Церкви». И первым из своих единомышленников он называет ректора Академии о. Феофана¹. Через некоторое время К. К. Зедергольм, получив из Оптиной недавно отпечатанные книги преподобного Орсисия, сообщает старцу, что одну из них подарит о. Феофану, «истинному монаху, любителю отеческих книг»².

Чиновник Синода, все силы свои желавший отдать благу Церкви, нашел близкого по духу собеседника в лице ректора Академии, доказательством чему является данная переписка. Сами письма написаны рукой святителя Феофана, и речь в них идет о публикации статей в редактируемых им изданиях. Однако всякий раз святитель находит веские причины, чтобы отложить исполнение просьбы адресата, но не это главное в содержании посланий. К письмам имеются приложения на нескольких листах каждое, написанные иным почерком, но стиль речи в них святителя Феофана. То есть письма, содержащие небольшие предисловия к текстам приложений, как бы являющиеся сопроводительными.

К посланию от 26 октября 1861 года приложен проект ежемесячного журнала «Апологет», который святитель Феофан предлагал издавать «попечением Синода». Идея этого проекта возникла в связи с появлением в церковной периодике статей, не соответствующих православному вероучению. Владыка сетовал: «Ну уж наши журналы — просто беда... Дух Христианина опять отличился... Жалеет об искоренении язычества — в статье об Иулиане

отступнике... Да куда там у вас смотрят?.. Статьи Христианского Чтения — о мироздании — подрывают христианство в корне... — хоть с лица Земли беги. — Заглавие прочитаешь: — Православное обозрение... Дух Христианина... скажешь... Слава Тебе Господи! А прочитавши книгу, закричишь: с нами Крестная сила! — В сих мыслях — несладких... однажды набросал я план Апологета... и тотчас хотел послать к вам, чтобы пустить в ход... не найдет ли сочувствия»³. Хотя в письме святитель Феофан признался, что мало надеется на осуществление своего проекта: «Сколько желательно быть такому журналу. Столько сомнительно выполнение его»⁴.

Цель журнала, по словам святителя, «защитить веру святую и все соприкосновенное ей от неправомыслия». Для этого необходимо «следить за всем печатаемым в России и в периодических изданиях и в книгах, — и неправое обличать». На «крупные — коренные лжи» следовало отвечать серьезными статьями-исследованиями, а «мелочные оговорки и вздорности собирать под один обзор и оговаривать». В связи с этим журнал должен был состоять из двух отделов: «Апологетические исследования», что-то «вроде общей апологетики в применении ее к нам — ныне живущим», и «Апологетический обзор литературы» под названием «Литературный сыщик»⁵.

Предложена была и редакционная коллегия журнала, представленная известными учеными-богословами Санкт-Петербургской Духовной академии, с которыми святитель был лично знаком в период своего ректорства. Выражалась надежда, что принять участие в издании журнала пожелают и наставники духовных школ из

ЗДАНИЕ Сената и Синода в Санкт-Петербурге

других епархий. Сотрудники редакции, по замыслу святителя Феофана, «разделяют между собою нашу Литературу — и читают. Неправости большие и малые — замечают. По прочтении сходятся и решают — против чего писать исследования, — и что отдать сыщику в общий обзор. ... Так каждый месяц». Средства журнал должен был получать от подписки, к которой Синод своим повелением мог бы обязать каждое благочиние, что, по мнению святителя, сделало бы журнал дешевым и общедоступным⁶.

Сам К. К. Зедергольм еще ранее в письмах к старцу Макарию Оптинскому выражал собст-

венное желание написать апологетическую статью в защиту православия⁷. Проект журнала «Апологет» был вполне осуществим при условии патронажа со стороны обер-прокурора Синода графа А. П. Толстого и при деятельном участии его помощников — «оптинцев», единомышленников святителя Феофана. Но положение самого графа А. П. Толстого в Синоде было весьма шатким, его курс на сближение Русской Церкви с Греческой не находил поддержки ни у членов Синода, ни в обществе. Об этом К. К. Зедергольм также с сожалением сообщал старцу. В 1862 году А. П. Толстой оставил

пост обер-прокурора, а адресат святителя, ученик старца Макария, ушел в Оптинский скит и принял монашеский постриг.

Что касается второго письма от 3 декабря без указания года, то к нему приложены заметки святителя Феофана по церковным вопросам: без заголовка, где небольшими абзацами излагаются мысли святителя. Как чиновник особых поручений, К. К. Зедергольм был обязан составлять аналитические записи по вопросам, которые выносились на заседание Синода или докладывались императору. Среди серьезных проблем, которые во второй половине 50-х — начале 60-х годов волновали общественность и были темой обсуждения в Синоде, можно назвать так называемый «восточный вопрос». Он заключался в стремлении России усилить свое влияние на Востоке, в том числе и через расширение присутствия нашей Церкви в Константинополе и Палестине. Синоду необходимо было выстраивать взаимоотношения с Константинопольским патриархатом и другими восточными патриархами. Не менее злободневным был «болгарский вопрос». Он возник на волне национального подъема и стремления болгар к церковной автокефалии вплоть до выхода Болгарской Церкви из юрисдикции Константинополя. Позиция России на тот момент еще не была окончательно определена, а от нее собственно и зависело улучшение отношений с Восточными Церквями. Все эти проблемы волновали и святителя Феофана, который с 1847 по 1854 год находился в составе Русской Духовной Миссии в Палестине, а в 1856-1857 годах был настоятелем посольской церкви в Константинополе и наблюдал непосредственно развитие обсуждаемых событий. Еще 9 марта 1857 года

он направил из Константинополя обширное послание святителю Иннокентию Херсонскому, где обстоятельно изложил положение дел на Востоке⁸.

Летом 1858 года обер-прокурор Синода граф А. П. Толстой поручил своему чиновнику К. К. Зедергольму составить «Записку о важности живого единения с Греческою Церковью». Выполняя эту работу, К. К. Зедергольм постоянно советовался со старцем Макарием (Ивановым), даже посылал в скит выписки из синодальных бумаг. Переписка старца Макария и К. К. Зедергольма в период с августа по ноябрь 1858 года была почти полностью посвящена этому вопросу. Оптинские старцы Макарий и Амвросий были однозначно за установление добрых отношений с Константинопольским патриархатом и за решение болгарского вопроса на основании канонических правил, там разделяли позицию обер-прокурора графа А. П. Толстого. Однако общественное мнение в России было настроено против греков. Сам Государь Император Александр II на записке обер-прокурора начертал резолюцию, в которой указал, что «раздражив болгар прежним равнодушием, мы иначе не можем примирить их, как поддерживая их народность»⁹.

Несомненно, что К. К. Зедергольм обращался и к святителю Феофану по поводу восточных дел и, возможно,знакомил его с письмами о Макария или пересказывал ему точку зрения старца. Обстановка на Востоке между тем накалялась, ни одна из сторон не желала уступить другой. В 1860 году в Болгарской церкви в Константинополе перестали почитать имя Патриарха. В ответ в феврале 1861 года собором Патриархии были низложены три про-болгарски

настроенных архиерея, в числе которых был епископ Макариопольский Иларион¹⁰. Это событие святитель Феофан упомянул в заметках и изложил свое видение проблемы и ее решения, указал, что предпринять Синоду в сложившейся ситуации. Он был сторонником предоставления автокефалии Болгарской Церкви, но при посредничестве России во избежание серьезного конфликта.

Когда в конце 1850-х годов болгарский конфликт еще не достиг своего апогея, Оптинские старцы считали, что православным арабам и болгарам в условиях сильного инославного влияния полезнее находиться в единстве с Греческой Церковью¹¹. В свою очередь Святитель Феофан допускал возможность их церковной самостоятельности. Приведа пример верности арабов и болгар православию, несмотря на жесткий прозелитизм католиков и протестантов в Балканских странах и на Востоке, он отмечал, что «такие народы нельзя назвать не ознаменовавшими себя твердостью религиозного характера. Они достойны сострадания, уважения и содействия»¹².

По поводу отношений между Греческой и Русской Церквами святитель Феофан в заметках писал: «Относительно греков так можно порешить: есть много хороших людей между ними, но есть и недобрые; есть много хороших людей и у русских, но есть и недобрые. Будет середина. Тем и покончим сие дело. — И в виду не имелось унижать окончательно греков. Несколько слов вызваны были унижением русских, — чему не подобает быть. <...> Мир со всеми Восточными братьями надо иметь и блюсти всеуильно»¹³. Известны были случаи недоверия и подозрительности между греческим и русским

духовенством в Константинополе, Палестине и на Афоне. Оптинские старцы советовали быть выше данных проявлений и для урегулирования отношений между Церквами предлагали выяснить причины недовольства Восточных Патриархов российским Синодом. Разрешением этого вопроса отчасти занималось посольство из чиновников Синода — П. И. Соломона и К. К. Зедегерольма — во время их восточной командировки в 1860 году¹⁴. При этом святитель Феофан отмечает, что «благо Церкви не должно предавать в жертву малой горстке лиц, незаконно изъявляющих притязание на исключительное господствование. И когда сие оказывается, надо противодействовать, хотя тоже в духе кротости и мира, правды и доброхотства всем»¹⁵. По всей вероятности, имеется в виду стремление турок ослабить власть Константинопольского Патриарха либо через «геронтов», иногда составлявших ему оппозицию, либо через учрежденный турками Церковный совет, большинство членов которого составляли светские лица. Разделяя в целом позицию Оптинских старцев, святитель Феофан в письме от 21 октября 1861 года как особо важное отметил: «Восток и мы — одно»¹⁶.

К. К. Зедегерольма также волновала проблема налаживания литературных и духовных связей между Россией и Грецией в противовес западному влиянию. На эту тему учеником старца Макария была составлена записка под названием «О греческом обществе». В ней говорилось, что в Греции «светская литература, даже журналистика, носит печать православия, а литература духовная проникнута жизненным народным духом...»¹⁷. Святитель Феофан в заметках высказывал свое видение данной проблемы. По

его мнению: «Между сочинениями греков ученых мало ныне оригинального. Все берется с Запада. <...> Так чем у Греков брать, лучше прямо из источников. Но то истинно, что знакомство с их литературою надо учредить и поддерживать»¹⁸.

Тема противодействия антицерковным проявлениям в русской литературе, поднятая в первом письме, нашла продолжение в указанных заметках. Святитель Феофан отмечал: «Всякий видит, что у нас пошло разномыслие и кривоумислие. У светских во всей широте; у духовных отчасти. — Но что же теперь сложивши руки сидеть и ждать, пока все разорится. — Теперь еще дитя шалит, а через несколько детище начнет бурлить. Спихватимся, да поздно будет. Надо действовать». К. К. Зедергольм в статье «О Православном собеседнике» также констатировал факты, когда авторы церковного журнала часто уступали духу времени. Их статьи, «по направлению своему никак не благоприятствующие Православной Церкви»¹⁹, перепечатывались в светских изданиях.

Святитель Феофан видел решение проблемы в мерах административного характера. «Да будто у нас власти нет», — вопрошал он. — «Предписать Цензорам, чтобы строже пере-

сматривали статьи и не пропускали нелепостей. — Можно также просить Государя Императора, который верно не знает о худой вере нашей Литературы — повелит Министру Просвещения чтоб сделал распоряжение об охране Св<ятой> Веры от литературной злобы»²⁰. О вольномыслии в церковной периодике святитель замечал: «Не думаю, чтоб увлеченья наших духовных были глубоки. Что высказано, то навеяно духом времени. Прикрикнуть только стоит, и тотчас отрезвятся»²¹.

В завершение стоит сказать, что рассмотренные заметки по церковным делам, адресованные К. К. Зедергольму, по всей вероятности, не были единственными. В них есть упоминание о неких «прежних заметках», которые святитель, вероятно, отправлял своему адресату ранее, будучи в сане архимандрита. Если письмо от 3 декабря можно отнести к этим «прежним заметкам», то подпись «Арх. Феофан» становится объяснимой. Но это — предположение. Так или иначе, сами письма святителя Феофана к духовному сыну старца Макария (Иванова), который затем стал насельником Оптинского скита, показывают нам, сколь многообразна была связь святителя Феофана с этой обителью.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ НИОР РГБ. Ф. 107. К. 6. Ед. хр. 28. Л. 80 об.

² Там же. Л. 128 об.

³ НИОР РГБ. Ф. 107, К. 6, Ед. хр. 30. *Зедергольм К. К.* (в монашестве о. Климент). Письма к разным лицам и от разных лиц. 1861-1879. Л. 31 об.-32.

⁴ Там же. Л. 32.

⁵ Там же. Л. 33.

⁶ Там же. Л. 34-34 об.

⁷ См. Переписка Константина Зедергольма со старцем Макарием Оптинским (1857-1859). М., 2013. С. 81.

⁸ См. *Феофан Затворник, святитель*. Собрание писем. Из неопубликованного. М., 2001. С. 165-185.

⁹ Там же. С. 132.

¹⁰ История Православной Церкви в XIX веке. Кн. 2. М., 1998. С. 351-352.

¹¹ Старец Макарий в письме К. К. Зедергольму от 19 марта 1858 года писал, что хотя между арабами и болгарами «есть люди добрые и благонамеренные, но нет таких дальновидных и таких твердых и стойких по характеру, как у греков». Переписка Константина Зедергольма со старцем Макарием... С. 91.

¹² НИОР РГБ. Ф. 107, К. 6, Ед. хр. 30. Л. 55 об.

¹³ Там же. Л. 55.

¹⁴ Герд А. А. «... Чтобы между церквями Русскою и Восточною существовало постоянное, искреннее единение».

Отчет о командировке по православному Востоку управляющего канцелярией Св. Синода П. И. Саломона оберпрокурору Св. Синода графу А. П. Толстому. 1860 г. // Исторический архив. 2012. № 2. С. 172-174.

¹⁵ НИОР РГБ. Ф. 107, К. 6, Ед. хр. 30. Л. 55-55 об.

¹⁶ Там же. Л. 34.

¹⁷ Переписка Константина Зедергольма со старцем Макарием... С. 250-252.

¹⁸ НИОР РГБ. Ф. 107, К. 6, Ед. хр. 30. Л. 55 об.

¹⁹ Переписка Константина Зедергольма со старцем Макарием... С. 266-267.

²⁰ НИОР РГБ. Ф. 107, К. 6, Ед. хр. 30. Л. 56 об.

²¹ Там же.

ПРОПОВЕДИ ФЕОФАНА ЗАТВОРНИКА

Из доклада профессора МГППУ д. ф. н. И. В. Дергачевой

Святитель Феофан занимает особое место среди русских проповедников XIX века. Он всю свою жизнь посвятил восстановлению святоотеческих традиций для указания и разъяснения путей к истинно христианской жизни. Проповедь святитель Феофан считал великим средством направления грешника на путь истинный. В проповедях святителя Феофана преобладают такие обязательные части любой «речи иерея к пастве», как толкование и дидактика.

Русская риторическая традиция является преемственной по отношению к византийской культуре. В восточной византийской традиции «предмет и содержание проповедей определялись святоотеческим наследием, а форма и внешняя сторона — риторикой, которая была приспособлена для нужд проповедничества»¹. Од-

нако существует и точка зрения представителей так называемого антириторического направления гомилетики, отвергающих риторикку как основу проповеди и видящих главное условие успеха проповедничества в духовном облике пастыря. По их мнению, проповеднический слог «должен быть прост, немногословен, не должен заимствовать человеческих украшений, разве только для того, дабы понятнее представить Божественную истину, но паче богатящийся словом Божиим. Следовательно, в поучениях церковных не должны иметь места философские отвлеченности, риторические парения, а тем менее стихотворения; потому что все сие есть дело человеческое»². На любом этапе существования проповеди речь проповедника зависит от Священного Писания и Священного

Предания Церкви, которые отражают и вбирают в себя догматику и нравоучение в качестве основных характеристик православной проповеди.

Наиболее сложную структуру имеют проповеди в форме Слова. Поскольку наиболее значимые образцы проповеди произнесены именно в этой форме, то и основное внимание современных исследователей обращено к этим образцам проповеднического материала. Некоторые теоретические основы этой формы изложены в «Гомилетике» епископа Полоцкого и Глубокского Феодосия³. Отличительными достоинствами Слова автор называет полноту раскрытия рассматриваемой темы и внутреннее единство содержания. В «Гомилетике» рассматриваются композиционные особенности Слова, которое, как правило, предваряется эпиграфом, составляющим «главное начало для мыслей и суждений проповедника»⁴. Далее следует вступление, где сообщается тема проповеди; изложение — основная часть, объясняющая и доказывающая главную мысль проповеди; нравственное приложение, посвященное «решению двух вопросов: 1) к чему приводит или побуждает нас раскрытая в изложении истина и 2) как применить к жизни предложенные уроки назидания»⁵. Затем следует заключение, которое может представлять краткое повторение сказанного, увещание слушателей, молитву, цитату из Священного Писания или церковного песнопения. Относительно конкретного использования языковых средств «Гомилетика» никаких указаний не дает, отмечается только, что «литературный стиль Слова должен быть художественным и возвышенным, язык — богатым и содержательным. <...> Со стороны грамматической

она <речь> должна отличаться правильностью и чистотой, со стороны логических требований — определенностью и точностью, с точки зрения эстетических норм — благозвучием и выразительностью»⁶.

Особо подчеркиваются исследователями коммуникативные особенности проповеди, где одной из важнейших черт является устный ее характер. По замечанию А. Юрьевского, «с прекращением проповедником своей устной речи прекращается и проповедь. Записанному же проповедническому слову, как уже литературному произведению, название “проповедь” усвоится только в смысле синонимическом»⁷.

По форме проповедь представляет собой монолог, однако ученые указывают на скрытую диалогичность, присущую проповеди. Так, Л. В. Левшун считает, что диалогичность реализуется в «вовлечении слушателей в сопереживание, созерцание, со-познание»⁸.

Итак, проповедь — это древнейший жанр словесности, имеющий свои особенности. Этому жанру присуща определенная традиционность образной системы, восходящей к Священному Писанию. Однако при анализе текстов разных проповедников становится очевидным, что, помимо универсальной системы образов, необходимо говорить и об авторских, индивидуальных стилистических формах и приемах, создающих стиль автора. В своих Словах святитель Феофан использует различные приемы с целью максимального пояснения и облегчения восприятия слушателями богословских понятий и законов духовной жизни. Ведь на протяжении церковной истории проповедь была действенным средством духовно-нравственного воспитания общества. Ее надвременное

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ Духовная академия

содержание, обращенное к важнейшим онтологическим вопросам бытия, вызывало особый интерес у читателей и слушателей. Пониманию сложного догматического содержания помогает особый стиль изложения, содействующий активации мышления. Художественная форма, особенности композиции, фигуры и тропы, символика и образность — все это воздействует на слушателей, вовлекая их в процесс размышления и рассуждения при помощи различных стилистических и композиционных приемов.

Святитель Феофан уже в новое время продолжил древнерусскую традицию церковно-учительного Слова. Его проповеди исполнены глубокого сакрального смысла и облечены в совершенную и доходчивую форму. Образную систему проповедей святителя создают образы-прототипы, восходящие к основным богословским догматам, особенности композиции, струк-

тура проповеди и все элементы служат цели разъяснения Священного Писания и святоотеческого учения. Большое значение для понимания взгляда святителя Феофана на искусство составления проповеди имеет его собственное сочинение «Как составить проповедь?», напечатанное в «Тамбовских епархиальных Ведомостях» за 1862 год (раздел Прибавления. № 7. 1 октября 1862, с. 305-314). В нем подчеркивается, что «существенный характер проповеди составляет назидательность... назидательное слово совместно должно просвещать, оживлять, укреплять». Святитель также говорит о том, что «назидать или созидать других может только тот, кто сам воссоздан, чей ум светло созерцает истину, чье сердце согрето теплою любовью к сим истинам, с сладостию носит их в себе, проникнуто ими, — чья воля расположена по сим истинам, ими живет, на них утверждается». По-

сколько проповедник раскрывает слушателям волю Божию и подвигает их следовать ей и тем самым спасать свои души, то и форма проповеди, по словам святителя, должна быть особой: «1. Неприлична форма рассуждения... <...> цель проповеди не растолковать только истину, а расположить к ней сердце и склонить волю, чего не достигнем доказательствами. 2. Неприличная и форма ораторской речи... у проповеди другой источник убеждения и действия на слушателей. 3. Самая пристойная проповеди форма есть форма собеседования, или речи разговорной. Проповедник произносит слово один, но речь ведет не один. Он вводит в нее и слушателей, спрашивает их и решает, — им предлагает на рассуждение и за них рассуждает, обращает их внимание то на тот, то на другой предмет, и все вообще делает с ними, как в дружеском разговоре. Такая форма поддерживает внимание слушателей без утомления, во все продолжение беседы; они заняты вместе с проповедником,

ЦЕЛЬ ПРОПОВЕДИ НЕ РАСТОЛКОВАТЬ ТОЛЬКО ИСТИНУ, А РАСПОЛОЖИТЬ К НЕЙ СЕРДЦЕ И СКЛОНИТЬ ВОЛЮ, ЧЕГО НЕ ДОСТИГНЕМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАМИ

сами рассуждают, сами себя убеждают, сами на себя производят суд».

В сборнике «Слов С. Петербургской Духовной академии ректора архимандрита Феофана» мы можем найти проповеди самого святителя Феофана и таким образом проследить взаимосвязь между его рекомендациями проповедникам и его собственным духовным и пастырским опытом. Открывает сборник «Слово на Новый

Год». В нем мы встретим обычные для святителя композиционные особенности построения текста, обуславливающие последовательность и ясность изложения темы. Вступление вводит тему проповеди: «Вот и еще прошел один год, — и на чреду преходящих лет вступает новое лето, чтоб перейти подобно всем другим. Непрестанно прилагается день ко дню, месяц к месяцу, год к году, — и умножение времени сокращает время. Непрерывно и быстро течет река времени и спешит к черте, за которою не будет более времени. Но и мы не на берегу сей реки стоим, чтоб быть сторонними только зрителями ее течения. Нет; но по ней, или вместе с нею и в ней влечемся и сами тем же путем временных изменений к своему концу».

Следующей частью проповеди является изложение, обосновывающее ее главную мысль: «Между тем действительное наше существование — одно мгновение, как одна тонкая полоса света среди густого мрака ночи. И под нами нет утверждения. А между тем мы стоим, как и весь мир; являем некое постоянство, некую твердость. Кто же держит нас в этой бездне ничтожества? Кто не дает окружающему нас ничтожеству поглотить нас? Кто, отъемя действительность у прошедшего, сохраняет бытие для настоящего и, внося в будущее, которого нет, вносит существующим? Ответ на это готов у всякого. Тот, Кто сотворил нас, в Ком источник всякого бытия, Кто все содержит и живет».

Раскрыв в изложении смысл того или иного предмета или явления, проповедник делает нравственные выводы из сказанного им: «Будущее наше все в руках Божиих: итак, ходя неуклонно в заповедях Его, предадим себя всецело Его отеческому водительству; в отвращение же

наказательных посещений Божиих предварим лице Его исповеданием грехов и искренним в них раскаянием. Так отсюда один урок — урок чистоты и покаяния. И какого другого наставления ожидать можно от времени, когда цель самого времени есть покаяние?» Это нравственное приложение имеет непосредственное отношение к религиозно-нравственной жизни слушателей и читателей.

Заключение проповеди несет важную логико-психологическую нагрузку: «Мы созданы для жизни в раю. Но согрешили и изгнаны на эту землю скорбную. Зачем? — Чтоб принести покаяние. Жизнь наша на земле есть эпитимия. А тому, кто несет эпитимию, что свойственно? — Сетовать, сокрушаться и плакать о грехах своих. Аминь».

В «Слове в день восшествия на престол благочестивейшаго Государя Императора Александра Николаевича» святитель поднимает тему Веры и развития, поступательного движения вперед: «В самом деле, братия, мы совершенствуемся, идем вперед, изобретаем и перенимаем много нового. Благочестивейший Государь Император всячески способствует тому и Сам». Государь прежде всего желает своим поданным, чтобы вера была им «руководителем во всем». Святитель подчеркивает важность этого наставления монарха и призывает очень внимательно относиться к прогрессу: «Да, братия, нам очень нужно такое наставление. Силы наши возбуждены, мы стремимся к улучшениям, идем, как говорится, вперед, развиваемся. Но не всякое движение вперед, не всякое развитие есть уже признак истинного совершенствования и улучшения. Терние и волчцы так же растут и развиваются, как и пшеница; но пшеница собира-

ется в житницу, а терние и волчцы обрезаются на сожжение. — Идем вперед, — но не забудем, что есть путь, которого последняя зрят во дно адаво! Тоже может случиться и с нашими улучшениями, с нашими, так именуемыми, совершенствованиями; с нашим — употребим принятое слово, — прогрессом». Поэтому святитель призывает не отступать «от спасительной Веры... хранить истинную Веру отцев наших», как ее хранит он сам.

В следующем Слове, «Слове в тот же день», святитель вновь обращается к восшествию на престол Государя Императора, которое «есть заря новых надежд для отечества». Это важное событие в жизни всего народа дало повод святителю обратиться к столь важной теме, как «благоденствие», которого страстно желает и народ, и Государь Император. Опираясь на цитаты из Священного Писания, святитель убедительно показывает, что «благоденствие, как безбедная жизнь — в довольстве, покое и непрерывных утех, — не есть удел человека на земле. Не достанет у нас ни умения, ни сил изменить это определение неложного Бога и землю превратить в рай потерянный. Соломон заботливо искал благоденствия, перепробовал все пути и средства к тому, — и уверился, что все опоры его на земле не прочны: все суета... И чем же заключил? Бога бойся и заповеди его храни, яко сие всяк человек (Еккл. 12, 13). Вот все, что может быть прочного в стремлениях и трудах человека и целых государств: Бога бояться, ревновать об угождении Ему, Ему себя подчинять и предавать, чтоб быть уверенным, что истинный Бог есть наш Бог — и мы люди Его. Не исключает это попечений и забот об улучшении своего быта; но указывает одну не-

изменную основу при всех изменчивых случаях нашей участи».

«Слово в тот же день» начинается с упоминания заповеди апостола Павла: «Горняя мудрствуйте, а не земная». Святитель Феофан, продолжая традицию древнерусских книжников, считавших своей главной задачей научить читателей прозревать мир духовный, волю Господа, помочь обрести им тот узкий путь, который ведет в жизнь вечную, и тем самым спасти свои души, непрестанно ведет задушевный диалог со слушателями, такими простыми словами и примерами, с такой к ним заранее расположенностью и любовью, что трудно сразу заметить всю серьезность и глубину затронутых им вопросов.

Святитель Феофан владеет высоким мастерством использования метафорических сравнений: «Наконец наследник престола в свое время получает Царский венец и восходит на престол. — И душа, прошедшая все степени Христианского совершенства, перешедши в другую жизнь, пра-

ведным Судом Божиим, возводится на престол, за победу над собою и венчается венцом — или смирения, или благотворительности, или послушания, или целомудрия, или другим каким, смотря по подвигу и труду, которым трудилась». И это Слово, как и другие, завершается обращением святителя к пастве с напоминанием правильного выбора — пути, ведущего в Царство Божие: «Вот братья, единственный путь ведущий в царство Христово!»

Цитаты из Священного Писания являются композиционной основой всей проповеди. Библейские цитаты не растворяются в ней, а, наоборот, вся речь проповедника подчиняется раскрытию смысла цитат из Библии, подобранных таким образом, чтобы наиболее полно раскрыть основную тему Слова. Особенностью авторского стиля святителя Феофана является чередование высоких, сакральных понятий православия с практическими советами как приблизиться к Богу и быть Им услышанным.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Феодосий, епископ Полоцкий и Глубокский*. Гомилетика: Теория церковной проповеди. Сергиев Посад: Московская Духовная академия, 1999. 324. С.30.

² *Амфитеатров Я. К.* Чтения о церковной словесности, или гомилетика. Ч. 1-2. Киев: тип. И. Вальнера, 1846.

³ *Феодосий, епископ Полоцкий и Глубокский*. Гомилетика: Теория церковной проповеди. Сергиев Посад: Московская Духовная академия, 1999. 324 с.

⁴ Там же. С. 144.

⁵ Там же. С. 146.

⁶ Там же. С. 146.

⁷ *Юрьевский А.* Гомилетика, или Наука о пастырском проповедании слова Божия. Киев: тип. Ун-та св. Владимира, 1903. 495. С. 30.

⁸ *Левциун Л. В.* Проповедь как жанр средневековой литературы: (На материале проповедей в древнерусских рукописных и старопечатных сборниках). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: ИМЛИ, 1992. С. 18-19.

РЕДАКЦИОННАЯ ПОДПИСКА

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ПРАВОСЛАВНОЕ КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

**ДЛЯ ОФОРМЛЕНИЯ ПОДПИСКИ
НА ЖУРНАЛ СВЯЖИТЕСЬ С НАМИ**

По электронному адресу: **exp@pcroc.ru**
По телефону: **8 495 789-90-45** (добавочный **22-29**)

Минимальный срок подписки на журнал —
6 месяцев

Стоимость подписки на один месяц —
100 рублей

С ЗАПАДА НА ВОСТОК

ИДЕЙНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА АВТОРСКИХ РЕДАКЦИЙ
«НЕВИДИМОЙ БРАНИ»

*Из доклада и. о. заместителя председателя Издательского совета
иеромонаха Феоктиста (Игумнова)*

Краткая история западного первоисточника

Общеизвестно, что «Невидимая брань» преподобного Никодима Святогорца на русском языке является авторским переложением греческого текста, который, в свою очередь, является авторской интерпретацией итальянского текста «Духовной брани» Лоренцо Скуполи. Небезынтересно последовательно проследить, что и как меняли православные авторы в сравнении с оригинальным текстом католика-театинца Лоренцо Скуполи.

Первое издание «Духовной брани» вышло в Венеции в 1589 году. Это издание было кратким и заключало в себе всего 24 главы. С каждым последующим переизданием книга расширялась

**ПРЕПОДОБНЫЙ НИКОДИМ
ОБРАЩАЕТСЯ С РЕДАКТИРУЕМЫМ
ТЕКСТОМ СВОБОДНО: ОН ПЕРЕМЕ-
ЩАЕТ, РАСШИРЯЕТ ИЛИ СОКРА-
ЩАЕТ АВТОРСКИЙ ТЕКСТ**

и к 1599 году достигла своей окончательной длины — 66 глав. В 1610 году — в год смерти автора — книга получила Прибавление из 37 глав. Прибавление — законченная самостоятельная работа, также как и «Духовная брань» посвя-

щенная нравственному совершенствованию христианина.

Первое — из 24-х глав — издание «Духовной брани» было маленьким компактным трактатом и имело строго практическую цель. В первой главе, которая остается первой и во всех последующих изданиях, говорится о цели христианской жизни, которая состоит в достижении совершенства и соединении с Богом, там же перечисляются четыре средства для достижения этой цели: недоверие к себе, надежда на Бога, подвиги¹ и молитва. Основная часть трактата посвящена хранению ума (чувств, воображения и памяти) и укреплению воли (искоренению греховных наклонностей и приобретению добродетелей). Работа заканчивается тремя главами о молитве. Эта книга «аскетическая» в прямом смысле, так как автор уделяет внимание прежде всего умению владеть собой.

Девять новых глав были добавлены во второе издание в ответ на просьбу дать более четкие указания о молитве. Семь из этих глав целиком посвящены практике медитации, тогда как упоминания о других способах созерцательной молитвы у Скуполи нет, за исключением краткой главы об умной молитве. Кроме того, было сделано упоминание Евхаристии как пятого средства для достижения нравственного совершенства.

Последующие прибавления не принесли чего-либо существенно нового, за исключением глав о приготовлении к смерти.

Переработка «Духовной брани» Никодимом Святогорцем

Греческая *Ἡ Ὁμολογία τοῦ Πόλεμος* — дополненный и отредактированный перевод двух работ Скуполи, которые традиционно издавались под одной обложкой. Из 81 главы оригинала были опущены две, а остальные были переведены по существу так, как написал их Скуполи. Однако, общий объем работы увеличился почти в два раза за счет добавления предисловия и значительного числа примечаний. Некоторые изменения были сделаны и в самом тексте.

Преподобный Никодим, сохранив деление книги на две части, изменил распределение глав по частям — вместо 66 и 15 глав в первой и второй частях у него получилось 53 и 27. Главу под номером 61 он опустил по причине ее явного сходства с 15-й главой, а из краткой 8-й главы второй части использует только первую половину, вставляя ее в подобную ей 3-ю главу. Также он опускает название второй части — единственное место рукописи, где переводчик упоминает имя автора (сам преподобный Никодим не переводил «Духовную брань», он воспользовался переводом, выполненным критским книжником Эммануилом Романитисом²).

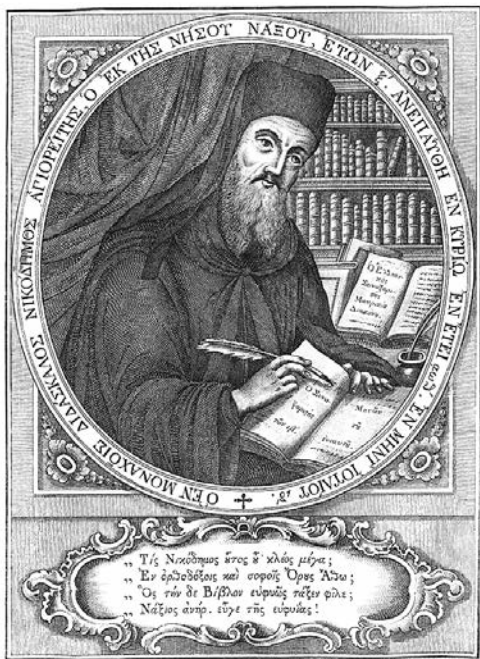
Предисловие говорит о христианской жизни как брани с «врагами бестелесными и неявными, кои суть различные страсти и похотения плоти и демоны злые и человеконенавистные»³, автор призывает читателей быть мужественными на поле этой брани.

ЛОРЕНЦО Скуполи

Примечания представляют собой, в основном, цитаты из Священного Писания и Добротолюбия, призванные проиллюстрировать и подтвердить слова основного текста. Кроме этого, есть и примечания, излагающие учение, которого нет в итальянском оригинале.

Преподобный Никодим обращается с редактируемым текстом весьма свободно: во многих местах он перемещает, расширяет или, напротив, сокращает авторский текст. Зачастую эти изменения не имеют большого значения и предназначены лишь для придания большей ясности и силы тому, что написал Скуполи за счет представ-

ПРЕПОДОБНЫЙ Никодим Святогорец

ления текста в более систематизированном виде. Часть внесенных преподобным Никодимом изменений предназначена для адаптации католического текста к православному восприятию. Так, Никодим Святогорец убирает все места, в которых встречается упоминание Чистилища или культ Святого Сердца; заменяет «изображения» на «иконы». Но при этом он несколько раз ссылается на блаженного Августина и других западных отцов, сохраняет католический термин «ἀκοινωτική καὶ σιταυτική»⁴, говорит о заслугах Христа. Преподобный Никодим оставляет

СВЯТИТЕЛЬ Феофан Затворник

без изменения место, в котором Скупולי излагает доктрину о достаточной благодати⁵. Когда Скупולי призывает читателя обратить особое внимание на молитву Angelus Domini⁶, преподобный Никодим повторяет его почти буквально, удаляя лишь упоминание о трех строках приветствия этой молитвы. С другой стороны, в одной из глав преподобный Никодим находит возможность добавить два кратких упоминания о молитве Иисусовой, которых нет в оригинале.

«Духовная брань» написана в форме обращения к духовной дочери, и поэтому везде употребляет

ляется обращение «сестра». Преподобный Никодим готовил свою книгу для афонских монахов и потому он использует традиционное монашеское обращение «брат».

Все перечисленные изменения вытекают из обстоятельств (и места жительства переводчика) при которых был сделан перевод, они немногочисленны и не являются существенно важными. Значительно интереснее те изменения, в которых преподобный Никодим привносит что-то свое.

Наиболее важные из них коснулись учения о хранении чувств и учения о молитве. Это главы с 21-й по 25-ю и с 45-й по 53-ю соответственно⁷.

К 24-й главе преподобный Никодим добавил мысли о хранении чувств, изложенные в его самостоятельном творении «Назидательное руководство», чем увеличил объем главы в два раза⁸.

Если в предыдущих трех главах идет речь о том, каким образом от чувственных вещей можно возносить свой ум к созерцанию Бога, к размышлению о воплощении Бога Слова и о святейших таинствах Его жизни, страданий и смерти, то свое дополнение⁹ преподобный Никодим адресует людям, которые не имеют достаточных знаний, осторожности и силы мысли для исправления собственных чувств. Обнадеживая таких людей, преподобный советует им другой путь — отказ от всех чувственных впечатлений, которые могут нанести вред душе, то есть тщательное хранение всех пяти чувств: зрения, слуха, обоняния, вкуса и осязания.

Вставка преподобным Никодимом учения о хранении чувств в конец главы об управлении языком выглядит не совсем уместной. Очевидно, неуместной она показалась и святителю Феофану Затворнику, вынесшему эту тему в отдельную главу.

Глава 25 «Об исправлении воображения и памяти» — новая, ее нет у Скуполи. Она содержит наибольшее количество примечаний — 17, и это единственная глава, полностью принадлежащая преподобному Никодиму. В ней он существенно развивает 9-ю главу из своего «Назидательного руководства».

Преподобный Никодим начинает с разъяснения силы и функций воображения и памяти и говорит о том, что в результате грехопадения человек (а до человека — часть ангелов) ниспал из состояния чистой духовности и разумности в рабство воображения и фантазий. Поэтому если мы хотим вернуться к свободе и общению с Богом, то разум наш должен быть в первую очередь очищен от мысленных образов. Первый и основной способ для достижения этой цели — непрестанная молитва.

Необходимость вставки этой главы вытекает, очевидно, из стремления преподобного Никодима не останавливаться там, где останавливается Скуполи — лишь на очищении чувств от страстей. Та цель, к которой ведет своего читателя Никодим Святогорец, значительно выше — это чистая безобразная молитва.

Скуполи рассматривает молитву как оружие для духовной борьбы, цель молитвы для него — избавление от греха и получение дара добродетельной жизни. Учение о молитве в «Духовной брани» почти полностью посвящено медитации¹⁰. Он раскрывает различные методы медитации в главах 46-52¹¹.

Глава 44 «О молитве» знакомит читателя с общими замечаниями относительно молитвы. В ней перечисляются семь условий, выполнение которых необходимо для того, «чтоб молитва на деле сем (то есть в духовной брани) проявляла в тебе

всю свою силу»¹². Эта глава осталась у преподобного Никодима неизменной по своей сути, он лишь добавляет в нее цитаты из Священного Писания и отцов, не меняет ее и святитель Феофан.

Глава 45 «О мысленном молении», в ней Скуполи кратко излагает свое учение по этому вопросу. Он дает определение такой молитве: «Мысленно молиться есть возносить мысль свою к Богу, когда явно или тайно просим желаемого нами»¹³.

Преподобный Никодим использует написанное Скуполи, расширяет его и итогом его работы становится систематизированное краткое православное учение об умной молитве. Он раскрывает тему, основываясь на учении греческих исихастов.

Преподобный Никодим определяет умную молитву (или молитву ума и сердца) как сведение ума в сердце при произнесении слов Иисусовой молитвы.

«Невидимая брань» после редакции святителя Феофана Затворника

Изменения, внесенные в текст книги святителем Феофаном Затворником, отличаются от изменений преподобного Никодима как по степени важности, так и по своему виду.

В примечании к предисловию, переведенному с греческого языка, святитель Феофан говорит, что «при переводе этой книги сочтено более пригодным примечания и свидетельства отеческие внести в текст, а по причине этого приходилось иной раз изменять слова книги для улажения течения речи, что допускалось иногда и без этого. Потому предлагаемую книгу следует почитать не столько переводом, сколько свободным перело-

жением»¹⁴. Эти слова святителя не совсем верно передают суть внесенных им изменений и характер работы. Его перевод в целом довольно точен и близок к оригиналу, но при этом некоторые главы попросту переписаны заново.

Количество ссылок на Священное Писание увеличено святителем Феофаном более чем в два раза: 110 ссылок на Ветхий Завет и 111 на Новый против 36 и 50 соответственно у преподобного Никодима. Количество упоминаний святоотеческой литературы, напротив, уменьшено 64 против 106 у преподобного Никодима.

Если преподобный Никодим, как было указано выше, оставляет некоторые католические выражения, то святитель Феофан подходит к этому вопросу более тщательно:

- опускает все выражения, сохраненные преподобным Никодимом, в которых упоминается учение о «достаточной благодати»;
- вместо удовлетворения за грехи святитель Феофан пишет об очищении покаянием;
- удаляет упоминание о заслугах Христа и святых;
- удаляет все цитаты из латинских отцов, кроме одной цитаты из блаженного Августина.

Святитель Феофан вносит изменения в главу 21 «Об управлении и бодром пользовании внешними чувствами», добавляя в ее начало краткое изложение традиционного учения о внешних пяти чувствах и о их воздействии на душу.

Наиболее заметные изменения как по объему так и по своему значению внесены святителем Феофаном в учение о молитве. Он сохранил первую главу этого раздела (глава 46 «О молитве»¹⁵), но опустил восемь последующих глав, заменив их на семь своих. В краткой главе (47), посвященной умной молитве, святитель Феофан ничего не го-

ворит об Иисусовой молитве (ее рассмотрению посвящена глава 51), тогда как аналогичная глава греческой «Невидимой брани» говорит об умной молитве именно как о молитве Иисусовой и довольно тщательно излагает святоотеческое учение по этому вопросу со ссылками на Добротолюбие, святителя Григория Паламу и решения Константинопольского собора 1351 года.

Лоренцо Скуполи говорит о двух видах мысленной молитвы. Первый ее вид — это явная молитва, «когда мы просим чрез слова, мысль нашу изображающие»¹⁶. Второй вид мысленной молитвы называется у Скуполи тайной молитвой. Она состоит в «возведении мысленных очей своих» без произнесения каких-либо слов. Преподобный Никодим передает здесь текст Скуполи довольно точно. Святитель Феофан, перелажая этот текст, говорит о необходимости молиться и умом, и сердцем, «наипаче же... сердцем»¹⁷.

В следующем абзаце святитель Феофан делает чрезвычайно важное замечание: «Бывает, по благодати Божией, и одна сердечная молитва, и это есть духовная молитва, Духом Святым в сердце движимая; молящийся сознает ее, но не творит,

а она сама в нем творится»¹⁸. Понятно, что это утверждение основывается на словах апостола Павла из Послания к Римлянам (8: 26), где говорится: «Также и Дух подкрепляет нас в немощах наших; ибо мы не знаем, о чем молиться, как должно, но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными». И такая самодвижная молитва есть, в практическом смысле, вершина всего учения о практике Иисусовой молитвы.

Здесь уже можно говорить о серьезных расхождениях между Скуполи и восточной традицией сердечной молитвы. Скуполи о самодвижной молитве ничего не знает. Для него высшая ступень молитвы сердца «в едином возношении мыслей к Богу»¹⁹.

В дальнейших главах святитель Феофан излагает святоотеческое учение о молитве. Это его авторские главы, они никак не пересекаются с текстом *Ὁ Ἀβραῶς Πόλεμος*.

Подводя итог, можно сказать, что при своем движении с запада на восток, «Невидимая брань» не только изменила свой язык и объем, но и, благодаря независимому творческому соавторству трех христианских писателей, получила законченную форму.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ По переводу М. С. Андреевского. В английском тексте в этом месте используется выражение «spiritual exercises», т. е. «духовные упражнения». Святитель Феофан Затворник использует выражение «непрестанные подвиги».

² *Леонтий (Козлов), иером.* Преподобный Никодим Святогорец (1749-1809). Житие и творческое наследие.: Диссертация на соискание ученой степени кандидата богословия / МДА. — Сергиев Посад, 2004. — С. 155.

³ *Никодим Святогорец, ипр.* Невидимая брань / пер. с греч. еп. Феофана (Говорова). — М.: Афонский Русский Пантелеимонов монастырь, 1892. С. 6.

⁴ «Ejaculatory prayers» в английском переводе. Святитель Феофан Затворник переводит в этом месте так: «Такие краткие молитвы справедливо наименовать с пророком восхождениями, в сердце полагаемыми (Пс 83:6), которые, исторгаясь из сердца, полного веры и упования, восходят на

Полный текст доклада иеромонаха Феоктиста (Игумнова) можно найти на официальном сайте Научно-редакционного совета <http://theophanica.ru>

небеса и входят в уши Божии. Это воззвания, всегда внемлемые и разумеваемые (Пс 5:2) многоблагодутробным Господом» (Никодим Святогорец, прп. Невидимая брань. С. 157). Андреевский в своем переводе *Combattimento spiritual* называет эти молитвы «проницающими». В католическом мире они получили большое распространение и можно встретить целые сборники таких молитв.

⁵ До недавнего времени признавалось наличие многих видов благодати: внешняя, внутренняя, предваряющая, побуждающая, помогающая, действующая, содействующая, достаточная, освящающая (постоянная), Божия, Христова и т. д. Такое деление появилось под влиянием схоластики, критическое отношение к которой привело в последнее время к значительному сокращению этого перечня. Так, в изданном на русском языке Катехизисе говорится только о трех видах благодати: «первичной благодати, находящейся у истоков обращения» человека, «благодати воздействующей (актуальной)», представляющей собой Божественное «вмешательство» или «у истоков обращения, или в процессе освящения», и «освящающей благодати», которая представляет собой «постоянный дар, устойчивое и сверхъестественное расположение, совершенствующее саму душу, чтобы сделать ее способной жить с Богом и действовать через Его любовь».

(Православная энциклопедия. Том V. Бессонов-Бонвеч. — М.: Церковно-научный центр Русской Православной Церкви «Православная энциклопедия», 2002. С. 312).

⁶ Католическая молитва, названная по ее начальным словам. Состоит из трех кратких текстов, описывающих тайну Боговоплощения, перемежаемых приветствием «Радуйся, Мария», а также заключительных молитвенных обращений к Богородице и Богу-Отцу.

⁷ Нумерация глав в *Ὁ Ἀόρατος Πόλεμος*. Они соответствуют главам 21-25 и 44-52 *Combattimento spiritual*.

⁸ *Леонтий (Козлов), иером. Преподобный Никодим Святогорец*. С. 156.

⁹ В переводе святителя Феофана Затворника это дополнение вынесено в отдельную главу «Общие уроки об употреблении чувств», стоящую перед главой об управлении языком.

¹⁰ От латинского *meditatio, onis f.* — размышление, обдумывание.

¹¹ Нумерация глав по *Combattimento spiritual*.

¹² *Никодим Святогорец, прп. Невидимая брань*. С. 181.

¹³ *Скупили Л. Брань духовная, или Наука о совершенной победе самого себя.* — СПб: Издательский Дом «Азбука-классика», 2009. С. 127.

¹⁴ *Никодим Святогорец, прп. Невидимая брань*. С. 3.

¹⁵ Она соответствует главе 44 Брани духовной и главе 52 *Ὁ Ἀόρατος Πόλεμος*.

¹⁶ *Скупили Л. Брань духовная...* С. 127.

¹⁷ *Никодим Святогорец, прп. Невидимая брань*. С. 189-190.

¹⁸ Там же. С. 189.

¹⁹ *Скупили Л. Брань духовная...* С. 128.

О ДУХОВНОМ РУКОВОДСТВЕ

СВЯТИТЕЛЬ ФЕОФАН О ЗНАЧЕНИИ ДУХОВНОГО НАСТАВНИКА В ЖИЗНИ ХРИСТИАНИНА

*Из доклада студентки 4-го курса Отделения теологии РГУ имени С. А. Есенина
Ксении Молчановой*

Святитель Феофан считал, что православному христианину необходимо иметь духовного наставника. Без него, полагаясь лишь на себя, можно запутаться и пойти в духовном делании не тем путем. Святитель говорил, что и в обыденной жизни человеку необходим совет, тем более в духовной: «И в деятельной жизни редко кто обойдется без преткновения, оставаясь с одним своим благоразумием. Но тут, по крайней мере, вред не так велик: одно дело, не так сделанное, если надобно, и переделать легко или в другой раз сделать его, как следует. В умном же делании уклонение от правого пути дает свое направление всему внутреннему, которое не вдруг можно переменить...»¹. То есть, если ошибка совершается в духовной жизни, исправить ее уже не так легко, как в жизни обыденной. И одной из задач наставника является помощь в предотвращении этих духовных промахов.

Кроме того, в одном из писем своему духовному чаду святитель Феофан указывает на то, что из-за маловерия дар духовного разума крайне редок: «Видите ли, что кроме внешних подвигов, есть и внутреннее делание, состоящее во внимании ума и хранении сердца... Это великое из великих делание все почти перенимают от других чрез научение. Очень редкие

ненаученно получают его прямо от Бога, теплоты ради веры их. Итак, потребно искать наставника, знающего дело»².

Нередко люди, находящиеся в «духовном одиночестве», впадают в прелесть, «запутываются в сетях воображения»³. Другие — не могут восходить по духовной лестнице к Богу, они «останавливаются на умоголовном делании, или, по Симеону Новому Богослову, на первой и второй степени внимания и молитвы или умного делания»⁴. Духовное развитие, одним из оснований которого является молитва, останавливается. Это происходит потому, что человек без духовника надеется только на свои силы; отсюда может развиваться грех гордыни, который ослепляет его ум. Гордыня действительно делает человека слепым в духовном отношении: он не видит своих пороков, в том числе и самой гордыни, а потому считает, что поступает правильно. Эта духовная слепота и мешает ему идти к Богу. Из этого состояния людям без духовника уже трудно выйти; «и когда они закрепнут в этом строе, то самый опытный и самый усердный наставник едва сможет, если только сможет еще, выбить их или выманить из этих трущоб, в какие они сами себя заключают, находя их крайне восхитительными»⁵.

ИСПОВЕДЬ. Художник Борис Клементьев

Говоря о необходимости духовного наставничества, святитель не основывается лишь на собственном опыте, но ссылается на великих отцов Церкви: патриарха Константинопольского Каллиста, преподобного Симеона Нового Богослова, преподобного Григория Синаита и др.: «У всех отцев, писавших руководства к духовной жизни, первым пунктом, в правилах

для вступающего во внутреннюю жизнь, ставится: иметь духовного отца-руководителя и его слушаться...»⁶. Приведем особенно яркую цитату патриарха Каллиста: «Прежде всего попечись найти себе наставника и учителя не прелестного, и, нашедши его, вполне отдайся ему, как отцу родному сын отцелюбивый, ходя по повелениям его неуклонно и на него взирая, как на Самого Христа. Кто хочет жить сам, то есть, самоугодно, без наставника, тот, по слову Лествичника, легко уклоняется в заблуждение и погибает, хотя бы он всю премудрость мира сего исчерпал. Не с советом ходящие ходят будто в сонном мечтании; они много сеют, но пожинают очень мало, и вместо пшеницы, — уввы! собирают плевелы»⁷.

Нам понятна теперь необходимость духовника. Но как его выбрать среди известных нам священников? Отвечая на подобный вопрос одному из духовных чад, святитель писал: «Духовника как я могу указать, не зная никого? Сами выберите. Если не решаетесь, то поступите, как Апостолы, при выборе Апостола, вместо испавшего Иуды, или жребием, или с знающими сих иереев потолкуйте»⁸. Во всем святитель советует поступать по-евангельски, тем более в таком важном вопросе, как выбор духовника.

Духовный отец — человек, который знает о своем духовном чаде очень многое, возможно даже больше, чем его родители по плоти. Ведь человек постоянно исповедует ему все свои, даже тайные, грехи. Поэтому так важно не менять духовника, оставаться его верным чадом: «Не переменяйте духовника... Хотя бы он лежал на смертном одре и был в памяти... и тогда можно исповедоваться и исповедание это ни на йоту не теряет своей силы. Когда сам он не от-

казывается, зачем отходить от него... Теперь уж как вам, так и ему довольно по одному слову сказать. Так вы знаете друг друга...»⁹.

Уже в конце XIX века, во времена святителя Феофана, человеку было трудно найти истинного духовного наставника. В России и мире зарождался глубокий духовный кризис, который не мог не повлиять и на эту сторону духовной жизни. Поэтому нередко людям, к сожалению, приходилось оставаться без наставника. Это часто происходит и в наше время. Святитель Феофан советовал в таком случае поступать по слову преподобного Паисия (Величковского). В одном из писем святитель пишет: «Правду говорит Н., что ныне нет настоящих руководителей. Однако ж с одним Писанием и отеческими уроками оставаться не следует. Необходимо вопрошение. Паисий Нямецкий так решил: два или три единомысленных пусть составят союз и друг друга руководят или друг друга вопрошают, ведя жизнь во взаимном послушании, со страхом Божиим и молитвою, в умеренной строгости аскетической»¹⁰. Значит необходимые советы могут дать братья или сестры во Христе, возможно более знающие и опытные в духовном плане. Но ни в коем случае нельзя оставаться в одиночестве, без «вопросения» к другим. Иначе можно впасть в вышеупомянутые уже искушения прелести и гордыни.

Помимо советов мирянам, которые хотят находиться под духовным руководством священника, святитель дает советы и самим наставникам, в частности духовникам монастырей. И хотя этот священнический подвиг особый, во многом он схож с делом духовников на обычных приходах. Поэтому советы эти можно отнести и к тому, и к другому виду духовного настави-

чества. Феофан Затворник предостерегает священников от легкомысленного и фамильярного отношения к пасомым. Во всем нужна мера: надо с радостью обходиться с духовным чадом, но в то же время, ему нужно дать понять важность самого разговора с наставником. Одного духовника монастыря святитель наставляет: «Что вы смотрите сурово на исповедающихся, это ничего, это в порядке. Но шуточного в об-

В УМНОМ ДЕЛАНИИ УКЛОНЕНИЕ ОТ ПРАВОГО ПУТИ ДАЕТ СВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ВСЕМУ ВНУТРЕННЕМУ, КОТОРОЕ НЕ ВДРУГ МОЖНО ПЕРЕМЕНИТЬ

ращении ничего не допускайте... Будьте радужны, приветливы — и словом, и взглядом, и обхождением... но без шуток. Иначе они подумают, что даете поблажку»¹¹.

Феофан Затворник советует не говорить с духовными чадами о вещах земных, ибо не в этом заключается предназначение наставника. В противном случае, духовное наставление превратится в пустую болтовню, не имеющую никакого отношения ко спасению человека: «Те послушники, что почти каждый день ходят, если приходят по духовным нуждам — пусть ходят. Но говорите с ними всегда только о духовных вещах и, сказав должное, отпускайте»¹².

Святитель говорит и о жертвенности пастыря, например о готовности пожертвовать для духовного чада своим временем, отдыхом и здоровьем. Священник должен быть готов принять свое духовное чадо в любое время суток. В том же письме святитель пишет: «Что вечером отворенною имеете дверь для имеющих нужду

в вашем слове, это хорошо. Я слышал, что в Оптиной пустыни духовник подолгу двери не закрывает... и к нему прибегают иногда в полночь»¹³.

Но духовник — не только тот, кто помогает советом, но тот, кто личным примером вдохновляет чад на духовный подвиг. Духовник, чтобы даже давать советы, должен иметь ясный ум, чистую совесть, он должен сам вести борьбу со

страстями, практически осуществлять собственные советы чадам. И самое главное — просить у Бога помощи в своей наставнической деятельности: «Оставшись сами, Богу исповедайтесь во всем, — и испрашивайте Его вразумления на всякие случаи»¹⁴.

Таким образом, мы видим, что святитель Феофан видел глубочайшую необходимость православного христианина в духовном наставнике.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Георгий (Тертышников), архим.* Симфония по творениям святителя Феофана, Затворника Вышенского. Изд. 2-е. — М.: «ДАРЪ», 2008. С.138.

² Там же. С. 359-360.

³ Там же. С. 138.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 137.

⁷ Там же. С.137-138.

⁸ Там же. С.128.

⁹ Алфавит духовный святителя Феофана Затворника. Избранные советы и наставления. — М.: «Ковчег», 2009. С. 98.

¹⁰ Там же.

¹¹ *Святитель Феофан Затворник.* Наставления в духовной жизни. М.: «Отчий дом», 1997. С. 30.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ХРАМЫ ВО ИМЯ СЯТИТЕЛЯ ФЕОФАНА

Из доклада А. А. Плево «Храмы, освященные во имя святителя Феофана Затворника в России»

Эмануиловка. Придел чудес

Устройство православными христианами в России храмов, освященных во имя святителя Феофана Затворника, началось сразу же после

его прославления в лике святых, которое совершилось 6 июня 1988 года. Первый престол во имя святителя Феофана был освящен в селе Эмануиловка Шацкого района Рязанской области, неподалеку от места затворнических подвигов

ХРАМ преподобного Сергия Радонежского в Эммануиловке

святого. Уже в преддверии канонизации святителя архиепископ Рязанский и Касимовский Симон (Новиков) благословил пристроить к храму преподобного Сергия Радонежского в Эммануиловке придел, в который священноначалием было решено перенести мощи святого, почивавшие с 1973 года в Троице-Сергиевой Лавре.

Замечательно, что при устройстве Феофановского придела в Эммануиловке в его основание было положено мраморное надгробие с места первого захоронения святителя. Это надгробие настоятель храма протоиерей Георгий Глазунов вывез из разоренного Казанского собора обители после негласного обретения мощей святителя.

Когда придел во имя святителя Феофана был устроен, его мощи из Троице-Сергиевой Лавры перенесли сначала в Рязань, а 8 июля 1988 года — в Сергиевский храм села Эммануиловка. В этот день в нем причащалось Святых Христовых Таин около двух тысяч человек. На этом месте мощи святителя пребывали четырнадцать лет, и за эти годы Феофановский придел и источник рядом с храмом, также освященный во имя святителя Феофана, стали свидетелями чудесных исцелений.

«Одного мальчика, который от рождения не ходил, — рассказывает отец Георгий, — привозили три раза издалека, я его клял прямо на мощи, как младенца, хотя ему было годика два с половиной. Родители сначала купали его в источнике

святителя Феофана, а потом приносили, и я клал его на мощи.

И вот, когда они в третий раз привезли его, он на службе с ручек попросился на пол, мама его опустила, и он побежал.

При этом присутствовала моя матушка, я служил. Народ стал возмущаться, потому что мальчик бегал радостный и якобы мешал им молиться. Говорят матери: «Что ты не возьмешь ребенка, он у тебя бегает по храму, мешает молиться!» — а она стоит и плачет от радости, сказать ничего не может: мальчонка от роду не ходил, а здесь побежал!»

Батюшка Георгий поведал и еще об одном случае: «Приехал сюда как паломник военный летчик из Волгограда. У него болела поясница — хронический радикулит. Он много уже потратил денег на лечение, но все без толку. А здесь иску-

пался — боль полностью прошла, и на следующий год он снова приехал, поблагодарить святителя Феофана».

Быкова Гора. Самый скромный из храмов обители

Нельзя не упомянуть о Феофановском храме, который в течение шести лет был единственным храмом возобновленного Вышенского монастыря. Паломника, посещающего Вышенское подворье на Быковой Горе, нередко пленяет особая красота этого места. На высоком холме, плавно уходящем к реке Цне, белеет скромная церковка с маленькой синей луковкой купола, увенчанного православным крестом. Это — первый храм на Руси, освященный исключительно во имя святителя Феофана, Затворника Вышен-

ИСТОЧНИК
святителя Феофана
в Эммануиловке

ФЕОФАНОВСКИЙ храм на Быковой Горе

ского. Именно с этого места, по Промыслу Божию, началось возрождение монашеской жизни на Выше.

В 1988 году, когда мощи святителя были принесены в Эммануиловку, в бывшем имении благодетелей монастыря князей Нарышкиных, на Быковой Горе, был закрыт туберкулезный госпиталь. Здания к этому времени, оказались «сильно запущены»^{*}.

В стенах разоренной обители тогда по-прежнему размещалась Шацкая психиатрическая больница, и первым сестрам во главе с матушкой Нонной пришлось долго жить на Быковой Горе. Но без храма христианину жить нельзя. Поэтому,

^{*} См. сайт Свято-Успенского Вышенского монастыря <http://svthefofan.ru/item/1158-nachalo-vozpohzheniya-obiteli.html>

приведя в порядок помещение, построенное некогда Нарышкиными для питания рабочих, инокини украсили его иконами, и в начале 1991 года по благословению владыки Симона здесь был освящен храм во имя святителя Феофана.

После того, как 27 мая 1997 года старейший из храмов разоренной пустыни, Успенский, был передан государством Церкви, службы в Феофановском храме стали совершаться все реже, но нередко проходили торжественные мероприятия. Так, в 2007 году под председательством архиепископа Рязанского и Касимовского Павла (Пономарева) (ныне — Патриаршего Экзарха всея Беларуси) здесь состоялись первые Юношеские Феофановские чтения.

Кемерово. Бог никого не оставляет

Весной 1991 года храм во имя святителя Феофана был освящен в исправительной колонии № 5 города Кемерово.

По словам священников, служивших в этом Феофановском храме, тюремная церковь в Кузбассе была не построена, не воздвигнута, а именно создана, сотворена самими заключенными. Почти из воздуха. Полуподвал, в котором раньше была «ленинская комната», превратился в нечто достойное удивления. Верующие под руководством старшего нарядчика Вячеслава Суродина и старосты храма Василия Скударнова обустроили его своими руками. Олег Навиев и Олег Педеркин расписали храм, а Сергей Малышев украсил его резьбой.

Вскоре состоялось малое освящение храма отцом Владимиром Курдютой, настоятелем Знаменского кафедрального собора в Кемерово, а полным чином церковь была освящена еписко-

пом Красноярским и Енисейским Антонием (Черемисовым) 26 апреля 1992 года. С того времени многие годы заключенных ИТУ-5 духовно окормляет протоиерей Александр Демченко, ставший для многих из них родным человеком, утешителем и мудрым наставником.

Замечательно то, что кемеровский храм во имя свяителя Феофана Затворника был основан задолго до подписания официального договора между Православной Церковью и Главным Управлением исполнения наказаний Минюста Российской Федерации. Он стал одним из первых колонийских храмов в России. Этому очень помог замполит ИТУ-5 Валентин Романович Тихонов.

Весть о том, что «в местах не столь отдаленных» появился настоящий храм, что проходят службы, что приходит батюшка, с которым можно поговорить о душе, о страданиях и переживаниях, быстро разнеслась по области, и в других колониях тоже стали строиться храмы.

Большой радостью для прихожан стало освящение 29 марта 2007 года новой Феофановской церкви, рассчитанной на 50 молящихся. Его совершил епископ Кемеровский и Новокузнецкий Аристарх (Смирнов).

Магистральный. Феофановский храм, освящающий БАМ

Удивительный храм, посвященный святителю Феофану Затворнику, появился в 1999 году в глубине Сибири. Он является центром Казачинско-Ленского благочиния, в состав которого входят четыре северных района Иркутской области: Казачинско-Ленский, Киренский, Мамско-Чуйский и Бодайбинский. Далеко не каждое государство Европы обладает такой территорией, жителей

ХРАМ свт. Феофана в поселке Магистральный

которой пятнадцать лет окормляет Феофановский храм. Его настоятель, протоиерей Иоанн Боричевский, рассказывает:

«Наш приход находится в БАМовском поселке Магистральный, недалеко от реки Киренга — одного из крупных притоков реки Лены. Когда-то эту землю освящали девять храмов, но после революции одни были разрушены, другие сожжены или просто разобраны. Два храма частично сохранились лишь потому, что в одном был устроен клуб, а в другом зернохранилище. После закрытия церкви некоторые прихожане разобрали иконы по домам и пускались на всякие

ухищрения, чтобы их сохранить. Например, одна бабушка сделала из иконы дверцу шкафа, и когда ее пришли забирать, она сказала, что ей не найти дверцы удобнее, и икону оставили на месте. А потом верующие жители, зная у кого какие иконы, ходили друг к другу в гости на дни памяти святых.

Магистральный, как и все населенные пункты БАМа, — молодой поселок, и населяют его в основном приезжие со всех концов бывшего СССР. Во время строительства БАМа здесь оказалось очень много молодых специалистов: технологов, учителей, музыкантов, художников, которые сроднились с этой землей и влились в местное общество.

Возрождение православия в Магистральном началось 9 мая 1995 года. В поселке был построен памятник защитникам Отечества, и глава администрации города Усть-Кут Светлана Никола-

евна Гладкова пригласила священника освятить памятник. После освящения настоятель Успенского храма Усть-Кута протоиерей Павел Гирев встретился с верующими в местном доме культуры (до этого люди уже собирались вместе для молитвы, причем и православные и неправославные).

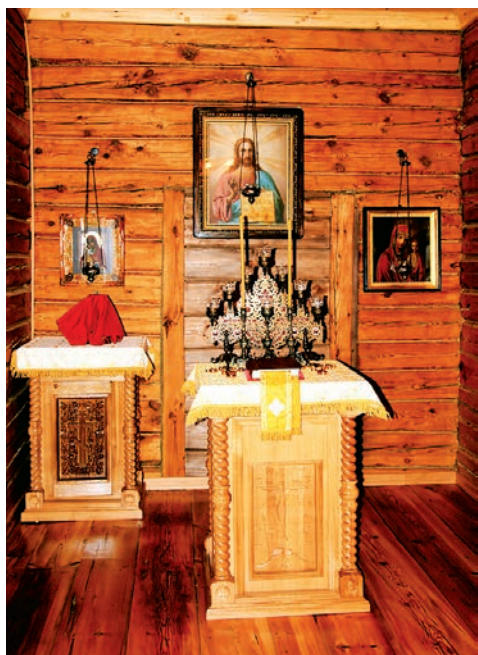
Беседа длилась больше четырех часов, и после нее вокруг отца Павла стала формироваться община. Надо было строить храм. В 1998 году принял Святое Крещение и сам стал прихожанином мэр района Николай Павлович Наумов, оказавший огромную помощь приходу. Во многом именно благодаря его попечению и трудами прихожан на БАМе всего за одиннадцать месяцев была возведена церковь во имя святителя Феофана. Ее освятил в 1999 году епископ Иркутский и Ангарский Вадим.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ВЫШЕНСКОЙ ОБИТЕЛИ

Из доклада игуменни Веры (Ровчан), настоятельницы Успенского Вышенского монастыря «Возрождение Успенского Вышенского монастыря как духовно-просветительского центра»

В «Концепции по подготовке к празднованию 200-летнего юбилея со дня рождения святителя Феофана, Затворника Вышенского», одобренной Святейшим Патриархом, одной из задач является возрождение Успенского Вышенского монастыря как духовно-просветительского центра, организация просветительских мероприятий с целью актуализации духовного наследия святителя в первую очередь среди молодежи.

Успенская Вышенская пустынь с самого своего основания в XVII веке несла миссионерское служение, обитель была основана в глухом уединенном месте для распространения христианской веры среди местных язычников — мордвы. Примером доброй христианской жизни, обильными иноческими дарами монахи оказывали благотворное влияние на окружающих жителей, которые принимали православную веру.

ЗДАНИЕ Куплинской школы**КАЗАНСКИЙ** собор Вышенского монастыря**АЛТАРЬ** храма в кельях Феофана Затворника

Во второй половине XIX века «Вышенская пустынь возвысилась до степени крупного духовно-просветительского центра. Она выполняла ту же самую миссию, которой в Древней Руси служили наши знаменитые лавры — Киевская и Троице-Сергиева, когда под влиянием Православной Церкви складывался духовный уклад всего русского народа, внутренние, основные условия его быта. В лице иноческих обитателей создавались тогда такие нравственные центры, которые являлись источником и средоточием духовного просвещения всей России»¹.

Настоятель обители и сотаинник святителя Феофана архимандрит Аркадий (Честонов, 1862-

В ЗАЛЕ музея святителя Феофана Затворника

ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ ВЫШЕНСКОЙ ОБИТЕЛИ

2001 — возобновлен ежегодный крестный ход с чудотворной иконой Божией Матери Казанской Вышенской в Тамбов.

29 июня 2002 — по благословию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II мощи святителя Феофана были торжественно перенесены из села Эммануиловки в монастырь, где они были встречены Самим Святейшим Патриархом.

2007 — в обители прошли первые Феофановские чтения. На III Феофановских чтениях

2009 года было принято «Обращение к святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Кириллу», в котором испрашивалось Святейтельское благословение на подготовку к празднованию 200-летия со дня рождения святителя Феофана и объявления 2015 года годом святителя Феофана. Одним из главных положений программы является подготовка к изданию Полного собрания творений святителя Феофана. Эта инициатива была поддержана Издательским советом Русской

КОВЧЕГ с частицей мощей святителя Феофана в Петропавловском храме в Пензе

ПРОВОДЫ Вышенской иконы Божией Матери в Тамбове

ВЫШЕНСКАЯ икона Божией Матери и ковчег с частицей мощей святителя Феофана в храме Новодевичьего монастыря в Санкт-Петербурге (с. 89)

1907) в течение 45 лет управлял обителью. Все паломники отмечали, что в монастыре сложился особый порядок в духе древнего иночества. Архимандрит Аркадий был истинным монахом, который, по замечанию святителя Феофана, «принял дар непрестанной молитвы», и в то же время опытным администратором.

Православной Церкви на заседании 27 мая 2010 года и получила благословение Святейшего Патриарха Кирилла.

28 июня 2010 — архиепископ Рязанский и Касимовский Павел совершил освящение домово́й церкви и музея в кельях святителя. Экспонаты и залы музея приоткрывают перед многими паломниками сокровенную тайну подвига затворника.

2011 — было положено начало важнейшему делу христианской проповеди — крестным ходам с вышенскими святынями — с чудо-

творной иконой Божией Матери Казанской Вышенской и мощами святителя Феофана, Затворника Вышенского. Крестные ходы, которые за последние годы прошли по многим епархиям, имеют большое просветительское и миссионерское значение, помогают людям больше узнать о жизни святителя, дают возможность помолиться у святынь, испросить небесного покровительства в различных нуждах.

11 июля 2012 — на радио «Радонеж» прозвучала первая программа из цикла «С Выши

о Выше. Передача о Свято-Успенском Вышенском монастыре».

21 мая 2012 — в Рязани стартовал духовный фестиваль «Путь ко спасению».

2013 — основана книжная серия «Библиотека Вышенской пустыни», в которой выпускаются книги об обители, ее подвижниках и святых. В планах редакции подготовка книг о духовном наследии святителя Феофана, а также другие издания о православной вере и святых. В своей деятельности редакционная коллегия старается руководствоваться сло-

вами святителя Феофана, небесного покровителя Вышенской обители, который отмечал, что «писать — это служба Церкви нужная...»

20 июля 2014 — обители возвращен главный список иконы Божией Матери Казанская Вышенская, которая до революции была главной святыней монастыря.

1 октября 2014 — стартовал детский творческий конкурс «Учитель благочестия», который будет проводиться по двум номинациям: «Изобразительное искусство» и «Литературное творчество».

КРЕСТНЫЙ ход с Вышенской иконой Божией Матери и мощами святителя Феофана в Казани

Архимандрит Аркадий проводил большую социальную и просветительскую деятельность. Он являлся почетным блюстителем Шацкого Духовного училища (при его попечении был перестроен основной корпус, устроены храм, больница и библиотека), председателем Совета Попечительства о бедных учениках, в училище была даже учреждена стипендия имени настоятеля Вышенской пустыни архимандрита Аркадия².

Помимо попечения о Шацком Духовном училище, архимандрит Аркадий много внимания уделял духовному просвещению в Шацком и окрестных уездах. Его усилиями были созданы десятки народных школ, где просвещение народа осуществлялось на христианских началах. Вся-

кий священник в Шацком уезде, стремившийся открыть сельскую школу и нуждавшийся в средствах, всегда обращался к архимандриту Аркадию за помощью.

До сих пор в селе Купля сохранилось двухэтажное каменное здание церковно-приходской школы, преобразованной со временем во второклассную школу для подготовки народных учителей. Для того, чтобы грамотно поставить процесс образования, архимандрит Аркадий лично подбирал преподавателей, внимательно следил за ходом обучения и образом жизни как учителей, так и учащихся. «Куплинская школа владела самым лучшим по тем временам учебным оборудованием, имела богатую библиотеку, класс игры

на скрипке, великолепный школьный храм. До семидесяти учеников из числа беднейших крестьянских детей жили в школьном пансионе за счет Вышенской пустыни. Сотни учащихся получили в Купле не только начальное образование, но и, самое главное, такое христианское воспитание, какое издревле существовало в православной Руси»³.

Вопросам, связанным с социальным служением монастырей, посвящен 10-й раздел «Положения о монастырях и монашествующих», переработанный Межсоборным присутствием Русской Православной Церкви по поручению Архиерейского Собора 2013 года⁴.

Все виды внешней деятельности — миссионерская, социальная, духовно-просветительская и иные — осуществляются монастырями и монашествующими только в той форме, которая не противоречит молитвенному служению.

Как отмечено в «Положении о монастырях и монашествующих», служение монашествующих обществу может осуществляться в духовном окормлении мирян, в приеме паломников, в проведении ознакомительных бесед об истории и святынях обители, участии паломников в монастырских богослужениях, в заботе о возрождении традиционных церковных искусств: иконописи, вышивки, плетения. Духовно-просветительская деятельность монастырей издревле заключалась в издании духовной литературы и в распространении святоотеческого наследия, в организации при обителях воскресных школ и катехизаторских курсов, в заботе о престарелых, инвалидах и детях-сиротах

Мы надеемся с Божией помощью, представлением всех вышенских подвижников исполнить благословение Святейшего Патриарха и

возродить Успенский Вышенский монастырь как духовно-просветительский центр.

В основе жизни современных насельниц Вышенской обители лежит молитвенное служение, которое по силам сочетается со служением миру, в особенности в деле прославления памяти небесного покровителя нашей обители — святытеля Феофана Затворника. Святейший Патриарх Кирилл в своем выступлении на собрании игуменов и игумений Русской Православной Церкви в Троице-Сергиевой Лавре 8 октября 2014 года, обращаясь к духовному опыту преподобного Сергия Радонежского, отметил: «Молитва, духовная жизнь в обителях, к которой я вас призываю, не должна быть только вашим достоянием. Вы должны копить внутреннюю силу, чтобы в любой момент эта сила могла послужить Церкви, преодолевая расколы, разделения, ереси, потому что монахи — хранители православия. И эта сила должна работать, если понадобится, чтобы объединить наш народ, чтобы преодолеть разномыслия и гражданские конфликты».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Свет неугасимый: Жизнеописание архимандрита Аркадия (Честонова). Рязань: «Лето», 2007. С. 51.

² Положение о стипендии имени настоятеля Вышинской пустыни, архимандрита Аркадия, при Шацком духовном училище // Тамбовские епархиальные ведомости. Офиц. часть. 1889. 15 августа. № 16. С. 424-426.

³ Свет неугасимый: Жизнеописание архимандрита Аркадия (Честонова). Рязань: «Лето», 2007. С. 57.

⁴ Документ опубликован на официальном сайте Русской Православной Церкви (patriarchia.ru), а также на официальном сайте Межсоборного присутствия (msobor.ru).

ВНЕ ШАБЛОНА

ЕКАТЕРИНА РАТНИКОВА

МИЛОСЕРДИЯ ДВЕРИ

Автобиографический роман

узника ГУЛАГа

Арцыбушев А. П.

М.: «Никея», 2014. — 480 с.:

ил. («Духовная проза»)

ИС 13-311-1846

ISBN 978-5-91761-284-3

Алексей Петрович Арцыбушев — художник и писатель, чье творчество по достоинству оценено и в России, и за рубежом. В 2009 году он стал почетным академиком Европейской академии естественных наук (Секция культурологии), в 2010 году Академия удостоила его Ордена чести за литературное творчество. Но такое признание пришло к нему не сразу, как не сразу и сам Алексей Петрович начал писать прозу. Есть такое понятие — зрелый писатель. Его произведения диктуются не художественным вымыслом, а исключительно личным опытом, прожитым и выстраданным, и раньше опыта не приходят. К такому типу писателей и стоит отнести А. П. Арцыбушева, родившегося в 1919 году и начавшего писать только в 1980-е годы.

Тогда и был написан роман «Милосердия Двери», впервые опубликованный в 2001 году. Читательский интерес к автобиографической прозе Алексея Петровича оказался настолько

силен, что в дальнейшем она неоднократно переиздавалась. Новое издание, о котором идет речь в этой рецензии, выпущено московским издательством «Никея» в 2014 году и снабжено рисунками автора, а также фотографиями из его личного архива.

Что же такое представляет собой роман «Милосердия Двери»? Его название, а также эпиграф ко всему тексту взяты из богородичной молитвы «Милосердия Двери отверзи нам, Благословенная Богородице...» На первых страницах книги автор пишет, что в детской, где жили они с братом, находился образ Казанской Божией Матери, перед которым молилась их мать, приучая и детей к молитве. «...Я воображал себе и словно видел перед собой эти Двери милосердия: они были вроде Царских врат в соборе, золотые, резные. Вот они открываются, медленно и тихо из них выходит милосердие, оно идет к нам, протягивает свои руки, обнимает ими и нас, и наш дом, и сад, и я знаю, что это милосердие — не кто иной, как Мать Божия с короной на голове, вся в сиянии, вся сотканная из любви и несущая всем свое милосердие, которое избавляет от бед, и что в ней «спасение рода христианского»». В основу сюжета романа положен отрезок жизни автора с раннего детства до реабилитации после освобождения из лагеря. Наиболее важны именно годы испытаний: в 1930-е мать и двое детей, родственники расстрелянного «врага народа», отправи-

лись в ссылку, позднее мать несколько раз арестовывали, а в 1946 году и сам Алексей Петрович был арестован. Рефреном воспоминаний о прожитой жизни стала мысль автора, что, несмотря на все испытания, милосердия двери всегда открыты для каждого, главное — помнить об этом. На презентации этого издания, состоявшейся в начале 2014 года, Алексей Петрович высказался о своем романе так: «Важнее всего для меня было в автобиографической книге открыть перед людьми милосердие Божие и милосердие человека к человеку, потому что я его столько видел за свою жизнь — и в лагере, и в ссылке, и после...»

Роман производит удивительное впечатление. С одной стороны — это действительно автобиография узника ГУЛАГа. Жизнь, описываемая здесь, полна страданий и волей судьбы зачастую далека от праведности (ожидаемой, быть может, читателем, купившим книгу из серии «Духовная проза»). Это — обычная, как бы страшно это ни звучало, жизнь миллионов советских людей в первой половине XX века, известная сегодня по живым свидетельствам и по многочисленным книгам писателей лагерной прозы. Она описывается соответствующим языком, всегда простым, порой жаргонным; герою, столкнувшемуся с повседневностью, довольно часто приходится «выкручиваться» из тяжелых обстоятельств хитростью и смекалкой. «Думаю, что условия жизни, в которые поставлен весь наш народ, выработали в нем это необходимое для выживания качество... Человек, хочет он или не хочет, вынужден изворачиваться. И кто в этом не грешен! Пусть только не будет это направлено во зло ближнему, скорей в его пользу. В нашем незаконном государстве добиться законно тебе положенного можно только тем же незаконным методом,

АЛЕКСЕЙ Арцыбушев в молодые годы.
Фото из архива автора книги

и в этом я греха не вижу». До традиционного жизнеописания православного христианина тут далековато. Но с другой стороны, книга наполнена чистым светом христианской веры, пробивающимся сквозь все обстоятельства, и христианским отношением людей друг к другу. Через весь сюжет проходит главная мысль автора: человек, поступающий честно перед самим собой, помогающий другим и помнящий о возможности и необходимости стать лучше, никогда не бывает оставлен Богом.

Раннее детство братьев Арцыбушевых прошло в Дивееве, в исключительно религиозной обстановке — так как глубоко верующей была вся семья, дети ходили со взрослыми в церковь, добровольно постились, радостно отмечали церковные праздники. И вера, подчеркивает автор, именно с детства органично вошла в его жизнь и никогда не покидала его в дальнейшем...

Подобные книги ценны тем, что ломают привычные шаблоны восприятия, по правде сказать, в некоторой степени имеющиеся и у рецензента. Вдруг выясняется, что между верующим и «показательно набожным» человеком далеко не всегда можно поставить знак равенства. Вера вдруг

оказывается гораздо шире набожности, это скорее ориентир, чем некие условные рамки. Вот как автор размышляет о начале своих жизненных мытарств, относящемся к тому моменту, когда двух маленьких мальчиков с матерью, до нитки обобрав, «строители нового мира» отправили в ссылку: «Мы, питаюсь исключительно зернами добра, не знали житейского зла... Очутившись среди стаи черных ворон, беспощадно нас бьющих, мне ничего не оставалось делать, кроме единственного: из белого превратиться в черного (другого пути у меня лично не было) или погибнуть. Я говорю все это не в свое оправдание, не с желанием найти виноватого...» То есть

внутреннее самоощущение человека и чувство личной ответственности за каждый поступок, даже если он связан с физическим выживанием — главное руководство для него. И каждого героя книги автор описывает в соответствии не с тем, совершал ли он только хорошие или только злые поступки, а с тем, насколько он сумел осознать эти злые поступки и раскаяться в них.

Один из самых ярких примеров такого описания — рассказ о разрушении древних храмов Муром. Местные советские газеты за какое-то время до предполагаемого сноса храмов опубликовали объявление о беспроигрышной лотерее, билеты которой будут выдаваться всем, кто придет в установленный день и час ломать храмы. И пришли многие жители города, а после выполненной работы получили по билетам «выигрыши» (разную мелкую живность) и довольные разошлись по домам. «В какой стране это было бы возможно совершить?» — спрашивает автор. — «Нет такой страны, в которой за курицу, за петуха и поросенка народ дал бы или стал бы взрывать свою вековую культуру». В этих горьких словах — великая истина. Сегодня принято ругать советскую власть — пришла, все уничтожила и разрушила. Но мало кто задумывается о том, что власть — это люди, то есть во многом мы сами. Сами недавние прихожане храма идут и разрушают храм, и каждый в отдельности ответственен за это, но зачастую не осознает важности своего участия или неучастия в том или ином действии. «В какой стране?...» Подобных ситуаций в романе описывается достаточно, но, как ни странно, описываются они так, чтобы читатель мог не осудить поверхностно других, а задуматься как можно глубже о том, что именно он сделал или не сделал для блага — не лично своего,

а общего. А это очень важное христианское чувство. «Душевный мир душа приобретает, когда она прощает все всем, себя же — никогда!» Автор не осуждает напрямую ни власть (за редким исключением), ни даже конкретных людей — такова жизнь и таково его мироощущение.

Таким образом, проза Алексея Петровича Арцыбушева по внутреннему наполнению (не по форме и не по языку книги, конечно же), напоминает произведения Достоевского, где в каждом герое, несмотря на внешние, наносные неприятные черты, в первую очередь стремишься увидеть образ и подобие Божие. Например, не пьяного и опустившегося лагерника, а доброго мужика Марея из детства, из многим знакомого одноименного рассказа Федора Михайловича. Потому что у каждого из нас были встречи с подобными Мареями, и каждый из нас способен об этом помнить всю жизнь. «Лагерь — это сито, просеивающее и отделяющее добро от зла... лично для меня лагерь был необходим, ... для себя его расцениваю не только как наказание за содеянные мною грехи, но и как школу, суровую

ВДРУГ ВЫЯСНЯЕТСЯ, ЧТО МЕЖДУ ВЕРУЮЩИМ И «ПОКАЗАТЕЛЬНО НАБОЖНЫМ» ЧЕЛОВЕКОМ НЕ ВСЕГДА МОЖНО ПОСТАВИТЬ ЗНАК РАВЕНСТВА

школу жизни, в которой происходит переоценка ценностей и выковывается отношение к людям, к жизни в целом». Сам же роман А. П. Арцыбушева, благодаря своей духовной глубине далеко выходит за рамки так называемой лагерной прозы.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Климент, митрополит Калужский и Боровский — председатель редакционного совета,
председатель Издательского совета Русской Православной Церкви

Архимандрит Алипий (Кастальский-Бороздин) — главный редактор
Патриаршего издательско-полиграфического центра Троице-Сергиевой Лавры

М. Д. Афанасьев — директор Государственной публичной исторической библиотеки

А. Н. Варламов — главный редактор журнала «Литературная учеба»

Вениамин, епископ Борисовский, викарий Минской епархии — председатель
Издательского Совета Белорусской Православной Церкви

В. Н. Ганичев — председатель Союза писателей России

Протоиерей Борис Даниленко — руководитель Синодальной библиотеки
Русской Православной Церкви имени Святейшего Патриарха Алексия II

В. Н. Крушин — сопредседатель правления Союза писателей России

В. Р. Легойда — Председатель Синодального информационного отдела
Русской Православной Церкви

Никодим, епископ Единецкий и Бричанский — председатель Издательского совета
Православной Церкви в Молдове

О. А. Николаева — преподаватель Литературного института им. А. М. Горького

Протоиерей Владимир Савельев — председатель Издательского отдела
Украинской Православной Церкви

Протоиерей Владимир Силловев — главный редактор Издательства Московской Патриархии

Б. Н. Тарасов — ректор Литературного института имени А. М. Горького

Архимандрит Тихон (Шевкунов) — наместник Сретенского ставропигиального монастыря,
ответственный секретарь Патриаршего совета по культуре

В. В. Федоров — президент Российской государственной библиотеки

М. Е. Шкатов — директор издательства «Отчий дом»